

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● С 1 января 1988 года договоры страхования дополнительной пенсии могут заключить рабочие, служащие и колхозники: мужчины в возрасте от 35 до 60 лет и женщины — от 30 до 55 лет.

● Страхователь может предусмотреть в договоре получение по окончании срока страхования дополнительной пенсии в размере 10, 20, 30, 40 или 50 рублей в месяц.

● По достижении пенсионного возраста Госстрах гарантирует страхователю выплату обусловленной договором дополнительной пенсии пожизненно.

● Страховые взносы устанавливаются в зависимости от возраста страхователя, срока страхования, размера дополнительной пенсии и уплачиваются в течение всего срока страхования ежемесячно путем безналичных расчетов через бухгалтерию по месту работы.

Уважаемые товарищи!

● Подробнее ознакомиться с условиями страхования и оформить договор можно у обслуживающего Вас страхового агента или в инспекции Госстраха.

Госстрах РСФСР

№ 12

1988

Анатолий **СТРЕЛЯНЫЙ**

**СОЦИАЛИЗМ МЫСЛИ
ПРОТИВ
СОЦИАЛИЗМА ЧУВСТВА**

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ПРАВДА»

Анатолий СТРЕЛЯНЫЙ

СОЦИАЛИЗМ МЫСЛИ
ПРОТИВ
СОЦИАЛИЗМА ЧУВСТВА

О ЧЕРКИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1988

Анатолий СТРЕЛЯНЫЙ

Анатолий Иванович Стреляный родился в 1939 году на Украине. Окончил Московский государственный университет, работал в газетах в Казахстане, много лет — в «Комсомольской правде». Пишет главным образом о сельской жизни и проблемах экономики, автор нескольких книг, из них наиболее известна очерковая повесть «В гостях у матери». По сценариям А. Стреляного снят ряд художественных и документальных кинокартин. Фильм «Архангельский мужик» вызвал оживленную дискуссию.

Член Союза писателей СССР.

ПРИХОД И РАСХОД

Наиболее распространенный взгляд на причины ухудшения наших дел в 70—80-е годы — взгляд экономический. Это были годы, когда, как писала «Правда» осенью 1986 года, «затормозились рост производительности труда и общие темпы развития производства. Все острее чувствовались ведомственность, перестраховка, рапортомания, очковничество. Некоторая часть кадров утратила вкус к своевременному проведению диктуемых жизнью реформ и нововведений. Стали проявляться бюрократизм и консерватизм, боязнь смелых решений».

Экономический взгляд на истоки этих явлений выражен в Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду КПСС: «Главное в том, что мы своевременно не дали политической оценки изменению экономической ситуации, не осознали всей остроты и неотложности перевода экономики на интенсивные методы развития, активное использование в народном хозяйстве достижений научно-технического прогресса». В докладе выдвинуто требование радикальной реформы, «самой серьезной перестройки социалистического хозяйственного механизма», поставлена и обоснована задача исторической важности: как можно быстрее «перейти к экономическим методам руководства на всех уровнях народного хозяйства».

Есть и другая точка зрения на уроки 70—80-х годов, в предсъездовский период она тоже обсуждалась в печати, хотя и не так подробно. Согласно этой точке зрения слабыми были отнюдь не экономические, а политические и административные рычаги, не хватало прямого приказного действия. Эти годы, писал, например, один довольно известный экономист, показали, что «мнение, будто стоит побольше заплатить, подороже оценить и тогда многие проблемы экономического роста будут сами собой решены, по меньшей мере наивно».

Предлагая свою особую оценку минувшего десятилетия, свой неодобрительный взгляд на поиск экономических методов управления, на попытки применять что-то более действенное и удобное, чем приказ, распоряжение, инструкция, он доказывал: «Манипулирование цифровыми, стоимостными валовыми показателями не обеспечивает народному хозяйству той продукции, ради которой и существует предприятие».

Чем объяснить это недоверчивое отношение к экономическим методам, которое вряд ли легко исчезнет только оттого, что их недвусмысленно приветствовал XXVII съезд КПСС? Может быть, в семидесятые годы и впрямь наблюдалось преувеличение роли рубля и принижение — приказа и призыва? Нет. «Побольше заплатить, подороже оценить» — так грубо никто не рассуждал и не действовал. Сам язык специалистов, призывающих экономические методы на смену административным, был и остается принципиально другой, в нем слову «заплатить» противостоит слово «заработать»: получить за работу часть коллективного валового дохода. «Подороже оценить» — тоже не из этого языка, в нем совсем другие слова, а именно: проверять, обязательно проверять цены рынком, потребителем, что-то, естественно, будет тогда дорожать, что-то дешеветь, а какие-то цены будут оставаться неизменными к удовольствию ценовиков — тут, значит, не промахнулись, угадали, уловили конъюнктуру, как, например, тогда, когда по решению принявшего Продовольственную программу майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС повышали (не убоившись обвинений в наивности!) закупочные цены на основные продукты. Хватало в семидесятые годы и самых крутых оргвыводов. За годы девятой пятилетки в РСФСР было снято свыше половины колхозных председателей, в десятой — еще больше, известные области, где из каждых десяти руководителей хозяйств сменили восемь, но это мало что дало. В Калининской области, где особенно активно применяли такие внеэкономические методы, производство продуктов в десятой и одиннадцатой пятилетках не только не увеличивалось, а даже сократилось.

Когда слушаешь людей, считающих наивным экономический взгляд на трудности семидесятых — начала восьмидесятых годов, иной раз складывается впечатление, что в основе их позиции лежит одно любопытное недоразумение. Оно связано с ростом денежных доходов населения в семидесятые годы. Увеличение количества дензнаков на руках и сберкнижках, многочисленные повышения ставок, окладов, расценок некоторые, похоже, приняли за «разгул» экономических методов и, не видя больших результатов, разочаровались в них. Ведь это же факт, что в те самые годы, когда была сведена почти на нет натуральная оплата в колхозах, когда падала покупательная сила рубля, философы и социологи дружно произносили «новое слово» в своей науке: слово против материальной заинтересованности. Они не посрамляли ее, не обвиняли в низменности, нет, искусство джигитовки было куда выше, чем прежде: они говорили, что материальное стимулирование на их глазах показывает свою недейственность, малую действенность, недостаточную действенность. Вот устои, особенно семейные, вот традиции, особенно трудовые и национальные, вот настроения, особенно политические, вот чувства, особенно гражданские, вот микроклимат в коллективе — другое, дескать, дело.

В 1973 году в большой монографии под названием «Труд» доктор философских наук И. Чангли объявила, что, потребность в труде уже осознана всем народом, «за исключением немногих тунеядцев», хотя первой потребностью труд, по ее словам, еще не стал. Эта точка зрения, в которой не было, кажется, ничего, кроме привычного набора громких фраз, как раз и отодвигала на задний план материальную заинтересованность, экономические рычаги. Потребность, какой бы она ни была по счету — второй или третьей, есть именно потребность, а не нужда. Планировать удовлетворение потребности человека в труде — совсем не то, что поощрять его выполнять работу, которая может быть и тяжелой и не очень приятной, но необходимой обществу. Вполне понятно, что, объясняя отрицательные явления в нашей жизни, такие, как, например, прогулы и бесхозяйственность, прежде всего тем, что сознание людей отстало от убежавшего в своем развитии бытия, И. Чангли и ее единомышленники требовали ставить в центр всей деятельности «личность» — как обобщенную совокупность социальных и биосоциальных свойств, то есть личность в узком смысле этого понятия». Какая там материальная заинтересованность — надо усилить воспитательную работу!..

Это, наверное, был самый большой грех наших философов за многие десятилетия, — грех не просто пустословия, не перепевания и подпевания, а грех незнания жизни. Причем в этот грех совсем уж естественно впадали даже такие люди, которые жизнь должны были бы знать, кажется, лучше всех. «Путь к изобилию представлялся бесспорным: материальная заинтересованность крестьянина. Мы, руководители, стали размахивать рублем и говорить механизатору или доярке: больше сделаешь, больше получишь» — с такой самокритикой выступал, например, в журнале «Наш современник» (1981, № 1) директор совхоза «Андреевский» Владимирской области В. Старостин. С искренним надрывом он брал на себя вину за то, что нынешние совхозные рабочие в отличие от «прежних колхозных мужиков» требуют достойной оплаты своего труда, не желая сознавать, «что хлеб, земля — это свято и к ним нужно подходить только с чистой душой, без корысти».

Разочарование в материальных стимулах, вернее, в том, что принимали за них, было большое, но им одним всего не объяснить. Не объяснить, пожалуй, главного: саму природу мышления, всегда готового так легко разочаровываться в столь серьезных вещах, настолько приспособленного к восприятию предрассудков — суждений и заключений, которым не предшествует спокойная критическая работа разума, существующих до рассудка, пред рассудком, вне опыта и вопреки опыту. В данном случае предрассудков экономических, лучше сказать — противоекономических.

В советское время слово «предрассудки» в экономическом разговоре впервые употребил В. И. Ленин. Это было 29 октября 1921 года на VII Московской губернской партконференции. Речь шла о том, как хозяйствовать в мирное время, на каких началах должны строиться отноше-

ния города и деревни, заводов и фабрик между собой и с государством. «В настоящее время небольшое число предприятий уже переведено на коммерческий расчет,— говорил Ленин, выступая там, и объяснял, что это значит.— Оплата рабочего труда производится в них по ценам вольного рынка, в расчетах перешли на золото... Мы не должны чуждаться коммерческого расчета,— настаивал он на своей мысли, дороже которой для него тогда не было.— Только на этой почве коммерческого расчета можно строить хозяйство. Мешают этому предрассудки и воспоминания того, что было вчера».

«Вчера» же было не что иное, как «военный коммунизм» — такие порядки, среди которых не было места купцовским способам ведения хозяйства, время, когда поставлять городу продукты деревня должна была бесплатно, по продразверстке, а государство, в свою очередь, раздавало эти продукты в городе тоже не под работу, а пайками, по спискам или по членским билетам потребительских коммун или союзов, о которых через шестьдесят лет напишет в романе «После бури» Сергей Залыгин,— в том числе союзов «полу- и голодных писателей и особенно художников, которые возникали, как грибы, в каждом городишке, каждый Союз со своим собственным манифестом, с заковыристой какой-то творческой программой и обязательно на обеспечении пролетарского государства, причем опять-таки по той же привилегированной категории «А» с фунтовым хлебным пайком...»

И была такая вера в этот путь к коммунизму, в то, что постепенным увеличением пайка и числа приписанных к категории «А» можно достичь изобилия, что Восьмой съезд партии уже без всяких ссылок на войну постановил этот путь увековечить: «Неуклонно проводить замену торговли планомерным в общегосударственном масштабе распределением продуктов». Эта уверенность, что социализм, а потом и коммунизм нельзя, невозможно, не положено строить с опорой на торговую, коммерческую предприимчивость заводов, трестов, кооперативов, а надо, возможно и положено строить только посредством разверсток всего и вся, от хлеба до пуговиц среди населения и от гасчных ключей до нефти среди заводов,— эта уверенность и была главным предрассудком, который вскоре подвергся ленинской критике.

«Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам, и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение... Это, к сожалению, факт. Я говорю: к сожалению, потому что не весьма длинный опыт привел нас к убеждению в ошибочности этого построения»,— объяснял Ленин, напряженно размышляя о том, что делать, чтобы как можно скорее не осталось ни одного ошибающегося, чтобы вчерашние кавалеристы сполна овладели купцовскими способами, чтобы они поняли, почему «на экономическом фронте, с попыткой перехода к коммунизму, мы к весне 1921 года потерпели поражение более серьезное, чем какое бы то ни

было поражение, нанесенное нам Колчаком, Деникиным или Пилсудским, поражение, гораздо более существенное и опасное».

О «военно-коммунистических» взглядах и настроениях, бытовавших до двадцать первого года, говорить надо со всем уважением, какого достойна всякая великая мечта, а вот после двадцать первого — наоборот, со всем пренебрежением, какого заслуживает всякая твердолобость. В девятнадцатом году, когда решали вести дело к отмене денег, еще нельзя было знать, что из этого, по позднейшим словам Ленина, ничего не выйдет. Ясности на сей счет не было и в теории, ей еще неоткуда было взяться. Профессор В. Новожилов отмечал: «Поскольку К. Маркс и Ф. Энгельс не разрабатывали вопросов организации социалистической экономики, они не предвидели и огромной трудности этой задачи». Они, в частности, предполагали, что «при социализме закон стоимости утратит свою силу». Так думал и Ленин. Принцип демократического централизма мыслился им «вначале как право участия масс в законодательстве и администрации. Хозяйством предполагалось управлять административными методами». Только к двадцать первому году, когда накопился опыт, показавший, что без торговли не обойтись, вера в «пайковый» путь стала предрассудком. Эту перемену оценок интересно наблюдать у Ленина. Буднично-спокойная: «ошибочное построение» быстро сменяется политически резкой, уничтожающей: «коммунистическое чванство». От увещаний и призывов: «Не дадим себя во власть «социализму чувства» или старорусскому, полубарскому, полумужицкому, патриархальному настроению, коим свойственно безотчетное пренебрежение к торговле» — мысль его соответственно обращается к другим, более действенным средствам: «Я думаю, что тресты и предприятия на хозяйственном расчете основаны именно для того, чтобы они сами отвечали и притом всецело отвечали, за безубыточность своих предприятий. Если это оказывается ими не достигнуто, то, по-моему, они должны быть привлекаемы к суду и караться в составе всех членов правления длительными лишениями свободы (может быть, с применением по истечении известного срока условного освобождения), конфискацией всего имущества и т. д.»

Большой — самый большой! — вред Ленин видит теперь в деятельности людей, которые «направо и налево махают приказами и декретами», уверенные, «будто «великая, победоносная, мировая» революция обязательно все и всякие задачи при всяких обстоятельствах во всех областях действия может и должна решать по-революционному», не заметившие, как великое достоинство революции: «энтузиазм, натиск, героизм» стало превращаться в недостаток, когда на первый план выдвинулись хозяйственные задачи.

«Купцовские» идеи Ленина не всеми и не всегда понимались одинаково. В начале тридцатых годов, например, была целая дискуссия о дальнейшей судьбе нэпа, в ходе которой многие авторы выражали мнение, что время этих идей прошло, что от торговли пора возвращаться к про-

дуктообмену, начиная тем самым последний этап новой экономической политики: если при Ленине она означала переход от «штурма» к «осаде», то теперь, мол, пора прекращать «осаду» и опять предпринимать «штурм» — «штурм» задач социалистического строительства. Что и было сделано.

Вернулись к этой теме только через двадцать лет.

Непосредственным поводом оказалось положение в сельском хозяйстве. К этому времени (начало пятидесятых годов) сельское хозяйство было отстающей отраслью, и, однако же, в чистый доход государства из него брали больше, чем возвращали ему. В нарушение основных начал воспроизводства труд в колхозах оплачивался из остатков, если в остатках что-нибудь оказывалось. В первую очередь выполнялись обязательства перед государством и формировался фонд накопления. Цены на зерно, мясо, молоко не всегда покрывали даже расходы колхозов на доставку этих продуктов к железной дороге. Это и было то, что потом называли игнорированием товарного характера сельского хозяйства. Успешное производство немыслимо без материальной заинтересованности предприятия в хорошей выручке, а работника — в заработке. Такая заинтересованность не может возникать без полноценной купли-продажи, без товарно-денежных отношений. Эти отношения между сельским хозяйством и государством были просто упущены. Годы хозяйствования на «продразверсточных» началах нанесли стране большой ущерб. К пятидесяти третьему году по сравнению с сороковым вдвое выросли поставки удобрений, почти в полтора раза — энерговооруженность и основные фонды, а производство продуктов не только не выросло, а даже уменьшилось. Казалось бы, промышленность, получая от сельского хозяйства почти бесплатное сырье, должна была только выигрывать, но нет, она тоже проигрывала, потому что много сырья на таких условиях получать было невозможно. От нарушения принципов взаимовыгодной торговли и материальной заинтересованности страдало все народное хозяйство, хотя в глаза больше всего бросались трудности сельского хозяйства.

Такое положение не могло продолжаться долго, исправлять его взялись уже в 1953 году, всего через семь лет после войны. По решениям сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС в несколько раз были повышены закупочные цены на основные продукты, списаны огромные долги колхозов и колхозников, снижены налоги, повышена (во многих местах — введена) оплата труда. Подчеркивалось, что тем самым восстанавливаются ленинские принципы материальной заинтересованности и хозяйственного расчета, много говорилось о порочности непосредственного, административного управления колхозами и о преимуществах экономических методов.

Твердо нового курса придерживались три года — в 1954—1956 годах. Благодаря новым закупочным ценам в колхозах в эти годы заметно шла вверх оплата труда и средний темп роста валовой продукции был 9,2 процента. Это составляло 4 копейки на рубль капиталовложе-

ний — вчетверо больше, чем в 1951—1953 годах, но уже в пятьдесят седьмом рост оплаты труда остановили — и сельское хозяйство отозвалось на это мгновенно, словно сработало некое реле. Окупаемость капитальных вложений и темп роста валовой продукции упали вдвое. Падение темпов продолжалось, и обстановка в сельском хозяйстве, да и вокруг сельского хозяйства все больше напоминала времена десятилетней давности, включая, между прочим, тот же приподнятый уверенно-деловой тон разговоров о нем. Только раньше среди новшеств, которые должны были немедленно принести изобилие, у всех на устах были торфоперегнойные горшочки и устройство лесных полос с квадратно-гнездовыми посадками дуба, теперь — пропащная система земледелия. Крупнейшими событиями внутренней жизни становились зональные совещания специалистов и передовых производственников (в Новосибирске, Целинограде, Воронеже), где обсуждались достоинства и недостатки разных культур и сортов, способов и сроков сева, пород скота. В эти подробности незамедлительно входили везде и всюду, во всех организациях и учреждениях, подсчету кормовых единиц обучались нежинские домохозяйки на курсах кройки и шитья и чукотские охотники, о бобах, о квадратно-гнездовом севе тут же создавались чуть ли не оперы, не говоря о плакатах и мультфильмах.

Соответственно усиливались административные методы, особенно с шестидесятого года. В приподнятой атмосфере внедрения нового и передового колхозам и совхозам опять диктовали, что и как делать и опять урезали их заявки на технику, удобрения, стройматериалы. После успеха первых трех лет показалось, что овцу уже можно стричь. В итоге в селе, в сельском хозяйстве пятидесятые годы заканчивались, а шестидесятые начинались так неудачно, что откатываться дальше, казалось, было уже некуда и ждать приходилось только улучшения, только движения вперед. Именно тогда я услышал от одного районного плановика из тех незаметных сельских счетоводов, которые думают побольше главных бухгалтеров, это жизнерадостное толкование слов «хуже некуда». Раз, мол, некуда хуже, значит, вот-вот должен открыться путь в обратную сторону, к лучшему.

Раскрыв утром 28 марта 1965 года газету и увидев набранные крупными буквами слова «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР», не один читатель «Правды» испытал чувство внезапного возбуждения. Когда произносятся такие слова, как «неотложные меры», обычно ждут чего-то резко приказного, ведь «неотложные» — почти то же самое, что «чрезвычайные», «исключительные». На этот раз все было наоборот. Вызванные обстоятельствами поистине чрезвычайными, меры эти были спокойными. Такие случаи дают основания говорить о политике как об искусстве. Не случайно, наверное, никому не придет в голову заговорить как об искусстве о политике грубого давления, прямого принуждения, административных ограничений. В грубости иногда может быть печальная необходимость, но красоты, искусства, высшей правильности быть не может.

Были списаны большие долги колхозов и совхозов, резко повышены закупочные цены на основные продукты, расширены права хозяйств в планировании, государственный план-заказ обещано было сделать неизменным на пять лет. Сельских руководителей особенно воодушевляли стабильность и умеренность (ее тоже обещали) планов — теперь можно было вести хозяйство на более или менее долгосрочной основе. Кажется, только сейчас они, взглянув на свои вчерашние обстоятельства с внезапной недоверчивой оторопью, по-настоящему осознали, как это было трудно: заводить скот, засеивать поля, не зная точно, а иной раз даже приблизительно, сколько какой продукции от тебя потребуют, сколько кормов в конце концов оставят, сколько денег разрешат на оплату труда, сколько — на строительство, закупку машин.

«Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые!..» 1965 год, когда вслед за мартовским Пленумом состоялся и сентябрьский, на котором было разрешено осуществить крупную хозяйственную реформу в промышленности, настолько крупную, что стоял даже вопрос о постепенной замене фондируемого снабжения нормальной оптовой торговлей средствами производства, — многим этот год казался как раз одной из таких минут — решалось очень многое. В последующие два-три года (прекрасные, творческие были годы!) появилась целая литература, в которой самыми тщательным образом анализировалось недавнее, а вместе с ним и далекое прошлое, вдруг ставшее волнующе близким.

Опять пробудился интерес к нэпу, к тому, что подводило Ленина к этой политике, как действовал при нем коммерческий расчет. Именно теперь многие начинали осознавать, что частное предпринимательство и концессии — это только одна, временная, даже второстепенная сторона нэпа, а другая, главная — коммерческие начала в деятельности государственных предприятий, при которых «казна за долги трестов не отвечает». Суть заложенных тогда Лениным основ управления социалистическим хозяйством профессор В. Новожилов, например, видел в «согласовании личных и коллективных интересов производителей с общественными». Главным содержанием нэпа он считал «систему управления социалистической экономикой на началах демократического централизма» — систему, сочетающую «планирование с товарно-денежными отношениями, план — с хозрасчетом». Такие оценки новой экономической политики не были привычными. У читателей они не могли не вызывать серьезных вопросов насчет исторической судьбы нэпа, и академик от них не уходил. «В 30-х годах система управления нашим народным хозяйством перестроилась, — писал он. — Усилилось централизованное руководство. Централизация тогда была объективно обусловлена необходимостью быстрой индустриализации при ограниченности ресурсов (чем более ограничены ресурсы по сравнению с потребностью в них, тем важнее централизация их распределения). Но, как это обычно бывает, проводившейся централизации сопутствовали лишние «издержки». В практике планирования эти «издержки» выражались в недостаточном учете законов экономики (то есть в волюнтаризме в планировании).

В области науки издержки централизации выражались в развитии догматизма. В тенденции к ограничению функций экономической науки — задачами разъяснения и пропаганды практики».

Тех, кто считал, что и в народном хозяйстве второй половины века торговые отношения должны быть таковыми не только по виду, но и по существу, называли «товарниками». Тех же, кто продолжал думать, что настоящая торговля социалистических предприятий друг с другом была бы нелепостью, поскольку у всех у них один собственник в лице государства, что все дело просто в том, чтобы этот собственник разумно ими управлял, называли «нетоварниками». Тогда эти определения использовались довольно широко, потом они стали встречаться реже — может быть, потому, что грани между двумя основными группами экономистов постепенно размывались, появились люди, придерживающиеся, так сказать, промежуточных позиций. Но суть разногласий не изменилась по сей день. Для наглядности и сейчас можно бы «товарников» окрестить «купцами», а их противников — «кавалеристами». Оба наименования тогда восходили бы прямо к Ленину: первое — к его расчетам на достоинство купцовских способов хозяйствования, второе — к его нелестным отзывам об охотниках вечно вершить все хозяйственные, политические, культурные дела административно, методом кавалерийских налетов. Правда, и «купцы» и «кавалеристы» звучат несовременно — давно нет ни купечества, ни конницы, но, во-первых, не бывает сравнений, которые бы совсем не хромали, а во-вторых, известная устарелость обоих наименований удачно подчеркивает исторические корни еще не закончившейся борьбы взглядов и подходов.

Коренной «кавалерийский» предрассудок, от которого разбегаются все остальные, по-прежнему касается судьбы объективных экономических законов при социализме. Пока говорят коротко, без объяснений, «объективные экономические законы», сознание «кавалериста» покорно, по школьной привычке, заглатывает эти слова и, лениво пожевав, худобедно переваривает. Но как только ему начинают расшифровывать их, говорить, например, что объективные экономические законы — это такие свойства и явления хозяйственной жизни, которые не зависят от людей, сколь бы сознательными, подкованными и важными мы ни были, что закон, к примеру, стоимости проявляется в цене, но не в той, которую пишут на бирке товара, а в той, по которой он ходит, если ходит, или мог бы пойти, если бы не мешала слишком большая цифра на бирке¹, что исчислить стоимость на базе издержек производства, как это

¹ Если пойти товару мешает слишком большая цифра на бирке, он остается лежать. Тогда закон стоимости проявляет себя в убытке от этого лежащего.

В цену, по которой товар или услуга ходят, должно быть включено все, во что обходится потребителю, будь то гражданин, предприятие или отрасль, доступ к этому товару или услуге: прямые и косвенные потери от стояния в очереди, приплаты продавцу или посреднику-распределителю, содержание этого распределителя и т. д.

пытаются делать наши ценообразователи, невозможно в принципе, и Маркс эту невозможность доказал теоретически, а они ежедневно, с девяти утра до шести вечера, доказывают практически, — он настораживается. Почти инстинктивно уверенный в своей власти над живой и неживой природой, над всеми ее законами, бравый наш «всадник» в то же время дрожит от страхов — он боится скатиться к капитализму, какой мерещится ему в словах: торговля, прибыль, товар, товарно-денежные отношения, в самоочевидной для «купца» мысли, что стоимость нельзя исчислить, но можно узнать на рынке, от продавца и покупателя, поставщика и получателя товара после того, как они уговорятся о цене, торгуются.

Единственно возможным, допустимым, изначально непорочным планом «нетоварник» по-прежнему считает жесткую, скрепленную устрашающими печатями директиву, в которой все расписано: выпускать то-то, столько-то, тогда-то, отправлять туда-то, по такой-то цене, работникам платить так-то, держать их столько-то, все нужное для выпуска указанной продукции получать там-то, тогда-то, по таким-то ценам. Этих «то-то», «так-то», «сколько-то» в планах, ежегодно получаемых предприятиями, — многие тысячи, ими заполняются толстейшие тома. Один из таких томов был продемонстрирован на известном совещании по проблемам научно-технического прогресса, состоявшемся в ЦК КПСС летом 1985 года, и подвергся там резкой критике. Что касается сельского хозяйства, то оно получало, как подсчитал профессор Г. Беспалотный для «Правды», «более семисот показателей по производству, заготовкам и реализации продукции, около четырехсот, связанных с использованием капитальных вложений, более ста — по труду, зарплате, финансам».

Едва ли не активнее всех участвуя в обсуждении и, так сказать, объяснении решений шестьдесят пятого года, носители этих представлений, как обычно, не могли убедительно объяснить, что происходит в хозяйственной жизни, откуда берется бесхозяйственность, дефициты и затоваривания; у них все сводилось к одному: неумелые плановики, безответственные руководители («только безответственностью можно объяснить...»), несознательные исполнители — и соответственно «кавалеристы» ничего не предлагали, никаких новых мер, кроме кадровых перемен да усиления воспитательной работы. Ну, и еще они одергивали «купцов» и стращали ими честной народ: бяки, мол, тянут нас не туда. «Товарники», «купцы» — те, напротив, убедительно, в полном соответствии с «товарным» духом Марта и Сентября, объясняли недостатки, при этом не мудря, не отрываясь от земли, приводя примеры, которые мог продолжить каждый, — насчет порядков, мешающих работать хорошо, сводящих на нет результаты даже хорошей работы.

В те годы была еще жива, писала свои статьи и преподавала в Академии общественных наук при ЦК КПСС профессор М. Ф. Макарова. Она еще в 1958 году заявила, что нечего и думать, будто увеличением

производства и расширением ассортимента можно покончить с таким явлением, как дефицит одних — нужных — товаров и избыток других — ненужных. Наоборот, втолковывала она своим читателям и слушателям, с ростом производства и ассортимента будет меняться только состав дефицита, само же по себе явление никуда не денется и даже будет обостряться день ото дня. И так будет до тех пор, пока мы будем верить учебникам политэкономии, что при социализме нет противоречия между конкретным и абстрактным трудом, что у нас всякий труд необходим по той простой причине, что он запланирован, а раз запланирован, значит, должен быть вознагражден: склад забит неходовыми сарафанами, машина разваливается, едва сойдя с конвейера, а труд, затраченный на изготовление этого тряпья и этой груды железа, все равно должен быть оплачен казной, никого нельзя оставить за это без куска хлеба; социализм, выходит, на то и социализм, чтобы деньги за свой труд мы получали не после того, как он признан потребителем, а до, задолго до, главное, что он признан (предусмотрен) плановиком.

В академии тогда учились некоторые из тех, кто сейчас управляет целыми отраслями. Кто-то, а они помнят, как их смущали беспощадные предсказания этой ученой-большевички, какими странными казались ее речи: с одной стороны, научность (труд абстрактный, труд конкретный...), академическая солидность, а с другой — такая простота, такая жизненность, с которой делай что хочешь, только не пытайся от нее отговориться. Действительно, ведь платим до того, потребитель действительно ведь ноль без палочки, и есть ли противоречие между каким-то там абстрактным и каким-то конкретным трудом, нет ли противоречия — ждать высокого качества и нужного количества в таких условиях не приходится.

Ученики Макаровой часто вспоминают свою учительницу не только потому, что прошедшие годы показали ее правоту, а и потому, что до сих пор можно раскрыть свежую газету и прочитать, как иной доктор экономики требует, чтобы Госплан выделял средства так-то и так-то, а еще — «под устранение дефицита», как выразился один из них, все еще не подозревающий (хоть кол на голове теши!), что вместо одного устраненного дефицита тут же появятся пять новых, не знающий, что механику этого грамотные экономисты исследовали много лет назад, сразу после «военного коммунизма». Именно тогда было показано, как анархия товарного хозяйства сменяется анархией нетоварного, только в первом случае она принимает форму всеобщего избытка, а во втором — всеобщего недостатка. Эту последнюю Л. Крицман, автор книги «Героический период великой русской революции» (1921), назвал «анархией снабжения», которая только усиливается, если производство дефицитных товаров объявляют ударным и обеспечивают его ресурсами в первую очередь, ведь на голодном пайке оказываются остальные производства, и дефицитом становятся другие вещи, которых еще вчера, вполне возможно, всем хватало.

«Искусственные разрывы в границах того или другого производства, отрыв дела снабжения от производственных органов, многочисленность опекающих инстанций — все это в последнем счете придавало производственным программам характер безответственных проектов, составленных, быть может, и с добрыми намерениями, но с хозяйственной точки зрения висящих в воздухе» — это писал Глеб Максимилианович Кржижановский. И он же дал на редкость точное и доступное объяснение того, что такое административное управление хозяйством. Присмотревшись к тогдашним планам, можно было видеть, писал он, что «при составлении таких планов безусловно предполагается, что государственная власть является чудодейственной силой», то есть что благие пожелания плановиков, превращаемые в приказы низам, способны творить все из ничего.

Становилось ясно, что планирование, не считающееся с потребителем, одинаково во все времена. Какой бы малой и слабой или, напротив, громадной и сильной ни была армия плановиков, они не заменят собою потребителя, и сколько бы они ни бились, в конце концов окажется: то, что никому не нужно, запланировано и выпускается или не запланировано, а выпускается, а то, что всем нужно, не запланировано и не выпускается или запланировано, да не выпускается. Это только Карл Родбертус (1805 — 1875), как и положено добропорядочному пруссаку, был уверен, что «социалистическое» начальство сможет без труда заменить собою проклятый рынок, расписав, что почем должно продаваться и покупаться в подведомственном ему государстве. Очень хорошо, хохотал по сему поводу Фридрих Энгельс, но «какие у нас гарантии, что «каждый продукт будет производиться в необходимом количестве, а не в большем, что мы не будем нуждаться в хлебе и мясе, задыхаясь под горами свекловичного сахара и утопая в картофельной водке, или что мы не будем испытывать недостатка в брюках, чтобы прикрыть свою наготу, среди миллионов пуговиц для брюк».

Водителей и пассажиров машин, пересекающих границу Курской области по шоссе Москва — Симферополь, уже много лет предупреждают надписью на громадном щите, что вывоз картофеля за пределы курской земли запрещен. Не всякая область обзавелась таким большим, на века построенным щитом, во многих местах стройматериалы расходуют значительно экономнее, но это не значит, что курские служащие, курские «кавалеристы» хуже сахалинских; дело не в том, какие они, а в том, что именно им определено хозяйничать в сфере производства и распределения. Поэтому-то свободное движение продукции по стране и затруднено массой ограничений. Смысл этих ограничений — чтобы торговые отношения не развивались, не лишали бы служащего, распределяющего человека его куса хлеба.

Доктор экономических наук В. Медведев доказывал, что Ленин, требуя коммерческого расчета, заботился не только о товарообороте между городом и деревней, как принято было думать, но имел в виду

и «внутренние потребности государственной промышленности». А главнейшая из этих внутренних потребностей — обеспечение материальной заинтересованности трудящихся. В книге Медведева «Закон стоимости и материальные стимулы социалистического производства» (1966) специально исследовалось взаимодействие закона стоимости и материальной заинтересованности. Автор показывал, что самые действенные и правильные материальные стимулы — это те, которые учитывают «приговоры», потребности и особенности внутреннего социалистического рынка. Распределение по труду, считал он, обязательно должно сочетаться с распределением «по стоимости», ведь закон стоимости, если не нарушать его требований, «создает заинтересованность в снижении индивидуальных затрат, в том числе и удельных затрат на заработную плату в сравнении с общественно необходимыми, а тем самым и в росте чистого дохода».

Попытки «отменить» или «обойти» объективные экономические законы вредно сказываются не только на производстве — портятся и нравы, падает дисциплина; экономисты, уяснившие эту связь, были намного глубже в своих оценках текущей действительности, чем люди, которые как раз в те годы входили во вкус болтовни об ослаблении семейных и прочих устоев, подстрочно, втайне, а когда удавалось, то и вслух, мечтали о зеленой каше для взрослых как о самом верном способе решения всех проблем.

«Товарники» писали, что применение плановых показателей, не основанных на показаниях рынка, уверенность руководителей экономики, что они сами с усами и могут безошибочно угадывать и предписывать общественно необходимые затраты для изготовления всего и вся, рождает общественное явление: утаивание ресурсов, искажение, подделку информации, произвол в хозяйственных делах. Поражала прямо-таки слов: общественное явление. Не потеря совести отдельными хозяйственниками, не притупление чувства ответственности, обострить которое ничего не стоит — одних помянуть, других попугать, а явление, причины которого не в природе человека, не в атомном веке, не в отрыве от земли и забвении дедовских заветов, а в совершенно определенных порядках, в административных методах управления хозяйством. Впечатляла зоркость, с которой тот же профессор Новожилов определял худшее из последствий этих порядков: не диспропорции в народном хозяйстве — «они, как правило, предупреждаются плановым руководством», а «расхождения между локальной и общей выгодой», «несогласованность личных и локальных интересов с общественными, хозрасчета с планом», — то есть бесхозяйственность, ведомственность, местничество, очковитерательство, если речь идет о предприятиях, отраслях и местностях; пассивность, рвачество, бракодельство, иждивенчество, если — об отдельных работниках. «Эффективность согласования личных материальных интересов с общественными огромна. Отпадают дорогостоящие меры принуждения, а стимулы противодействия плану заменяются сти-

мулами содействия плану, — писал он, показывая, что для оздоровления нравов, «улучшения» людей требуются не призывы, не уговоры (любить труд, природу, семейный очаг, старину, правду-матку), а совершенно конкретные политико-экономические меры. Примеры были свежие: мартовский и сентябрьский Пленумы ЦК КПСС с намеченной ими и частью уже осуществлявшейся программой реформ.

Социализм мысли за эти два-три прекрасных и тревожных года развился в живое дерево с крепким, стройным стволом, свободными ветвями и могуче зеленой листвой, и тот, кто мужал под ним, навсегда сохранит в себе спокойный и бодрый дух, пронизательность трезвого — и потому светлого! — взгляда на вещи.

Многие экономисты быстро договорились о главном — что успешным может быть производство только товарное, то есть такое, которое рассчитано на потребителя; великолепно усвоили и объясняли публике, для чего нужен коммерческий расчет: чтобы никому не позволял заметно превышать общественно необходимые затраты труда. Дружно обсуждали конкретные вопросы хозяйствования в новых условиях, размышляли о том, что должно последовать за первыми неотложными мерами, какие из этих мер следует пересмотреть, уточнить, развить. А. Кассиров доказывал, «целесообразность и возможность такой хозрасчетной системы», при которой «колхозы и совхозы будут получать лишь задания по сумме чистого дохода (прибыли), отчисляемой государству». В деталях разрабатывались сугубо практические подходы к этому великому делу. В. Венжер, например, говорил о постепенном увеличении той доли продукции колхозов, которую они будут продавать государству добровольно, что «подготовит условия в перспективе к переходу от обязательной продажи к добровольному сбыту колхозами всей товарной продукции». Тон этого ученого, чья книга «Колхозный строй на современном этапе» тогда как раз появилась на прилавках и сразу стала широко известной, был спокойно-внушительный: «Развитие внутреннего социального рынка, понимаемого в смысле прямых торговых связей между промышленными и сельскохозяйственными, государственными и кооперативными предприятиями, является самой насущной народнохозяйственной проблемой. Ее решать все равно придется, так лучше решать быстрее, не откладывая в долгий ящик».

Венжер сетовал, что «находящиеся под воздействием прежних (нетоварных. — А. С.) представлений практические работники пока еще плохо поддаются этому убеждению», и был, к сожалению, прав, но были среди них и такие люди с мест, из сельской глубинки, чьи выступления блистали зрелостью политэкономического мышления и выношенностью конкретных предложений. Терентий Мальцев, привествуя в «Правде» решения мартовского Пленума, писал: «Твердый план продажи — это, на наш взгляд, переходная ступень к чисто экономическим, без остатка директивных мер, способам хозяйствования».

Волнующим событием в нашей умственной жизни тех лет было появление (1967) главной книги профессора В. В. Новожилова, получившего за свои работы Ленинскую премию.

Книга была строго научная, адресовалась экономистам, и в то же время основные ее положения были доступны всякому человеку, имеющему нелиповый вузовский диплом и живо интересующемуся общественными проблемами. Под скромным деловым названием — «Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании» — скрывалось фундаментальное исследование по политической экономии социализма. Там, где автору по ходу изложения не требовались формулы, таблицы, специальные выкладки, текст представлял собою публицистику высокой пробы: редкая чистота, точность и сжатость, большое внутреннее напряжение. Для проблем и явлений, которым мы посвящали газетные подвалы и целые тетради мелкого шрифта в толстых журналах, академику порой хватало нескольких строк, но какие это были строки!

«Трудно представить себе более грубую ошибку в экономических расчетах, чем смешение прихода с расходом, результата с затратами. А между тем элементы этой ошибки содержатся в наиболее распространенных способах измерения результатов живого труда... Ошибка, введенная в плановый показатель, приобретает силу закона для всех исполнителей плана, воздействует на миллионы людей, побуждая их считать расход приходом, а понижение качества продукции — полезным результатом».

Измерение затрат и результатов, доказывал он, — это узловая проблема экономической науки и практики, все остальные или выходят из нее, или сходятся в ней. По тому, какими методами измеряются затраты и результаты, можно судить, как идут дела в экономике, насколько грамотно ею управляют, в каком духе она воспитывает людей, какие порядки, привычки, обычаи, неписанные правила вносит в их повседневную жизнь.

«Применение неправильных методов измерения затрат и результатов ориентирует хозяйственную деятельность на излишние затраты, на погоню за мнимыми результатами, порождает противоречия между хозрасчетом и планом, между интересами предприятия и интересами народного хозяйства, затрудняет распределение по труду, препятствует демократизации управления народным хозяйством и развитию творческой инициативы масс трудящихся».

Говорить же об измерении затрат и результатов — значит говорить прежде всего о ценах, о том, как они устанавливаются и на что нацеливаются, как сделать, чтобы цены не создавали ни дефицита, ни затороваривания, чтобы они спокойно и уверенно поддерживали равновесие между спросом и предложением; причем в торговле предприятий между собою это еще важнее, чем в розничной: при полноценном хозрасчете «цены равенства спроса и предложения обеспечивают такое распределе-

ние средств производства между предприятиями, при котором эти средства наиболее эффективно используются и достигается общий минимум затрат на производство конечной продукции народного хозяйства».

Административные методы управления преобладают над экономическими тогда, когда цены, отклоняясь от общественно необходимых затрат, побуждают предприятия делать совсем не то, чего требует план-директива. Тогда-то директиву и приходится подкреплять «достаточно энергичными санкциями», хотя, «как показывает многовековой хозяйственный опыт, административные санкции — менее эффективный стимул к производству, чем экономический или моральный интерес». Насущную, исторической важности задачу Новожилов видел в «демократизации плановой экономики». К объяснению того, что это такое и как это надо делать — как это будет неизбежно делаться! — и сводилась, собственно, его научная деятельность, в этом и был его научный и гражданский подвиг. Демократизировать плановую экономику — значит добиться того, чтобы «план-директива» превратился для каждого трудового коллектива в «план — экономический императив» — то есть в «такую директиву, наилучшее выполнение которой совпадает с личными интересами всех исполнителей».

Путь к «плану-императиву» один — развитие демократического централизма. Выбора здесь нет, вернее выбор заведомо определен самой сутью дела, тем, что речь идет о первейших жизненных интересах и потребностях миллионов: работа, оплата, снабжение. До этого есть дело каждому. Следовательно, каждый должен иметь право голоса, а с другой стороны, никому нельзя позволять перекричать в свою пользу всех. Этому требованию соответствует «двустороннее развитие демократического централизма: как в сторону демократизации, так и в сторону централизации управления экономикой», такое положение, «когда все экономические вопросы — вплоть до самых мелких — решаются кооперацией центра и места».

Это было важнейшее положение профессора Новожилова и как ученого-экономиста, и как политического мыслителя. Это был его главный урок, его завещание «товарищам». Не бросаться в крайность, противоположную «кавалерийской» — от мрачного всеохватывающего централизма к глупо-восторженному безбрежному демократизму. Только сочетание двух начал, только оно!.. Да, конечно, соглашались мы, первые его читатели, но... неужели все-таки «вплоть до самых мелких»?! Значит, даже вопрос о том, сколько сторожей иметь в каком-нибудь леспромхозе на Камчатке, должен в идеале (!!) решаться по договоренности с Москвой? Да, учил Новожилов, именно так — не по прямому указанию Москвы, как до сих пор, а по договоренности с нею — раз, а во-вторых, все дело в том, что это за договоренность, каково ее экономическое содержание и политическая форма. Новожилов вводит поня-

тие, до которого «кавалеристы» не доросли до сих пор, — понятие косвенной централизации.

«Непосредственная (или прямая) централизация состоит в конкретном решении в плановом центре вопросов того или иного класса». Это приказ, распоряжение, инструкция. Косвенная же централизация «состоит в установлении таких нормативов для расчета затрат и результатов, при помощи которых места, руководствуясь принципом «максимум результатов — минимум затрат», сами могли бы найти варианты, наиболее соответствующие народнохозяйственному плану». То есть: участие Москвы в решении вопроса о лесхозных сторожах на Камчатке может и должно заключаться в том, что она установит такие экономические нормативы, что лесхозу будет невыгодно иметь сторожей (и любых прочих работников) больше, чем совершенно необходимо. «Косвенная централизация, — подчеркивал профессор, — необходима как в социалистической, так и в коммунистической экономике. Она имеет то замечательное свойство, что подчиняет плану все без исключения местные решения, вплоть до решений самых мелких вопросов, ибо все хозяйственные вопросы решаются на основе сопоставления затрат и результатов». Только так — сочетанием «регулирующих функций товарно-денежных отношений с плановым регулированием», согласованием хозяйского расчета с планом можно будет «превратить в перспективе органы планирования и учета в органы общественного самоуправления».

Задавшись целью расставить все точки над «и», ни о чем не умолчать, специалисты, естественно, обратились и к вопросу: была ли нужна так долго обделять сельское хозяйство в пользу промышленности? Была ли нужда не допускать так долго товарных отношений, взаимовыгодной торговли и в самой промышленности? Что тут из чего выходило, что к чему вело: переоценка приказных методов — к свертыванию товарных отношений или свертывание товарных отношений к переоценке приказных методов? М. Колганов в журнале «Вопросы экономики» доказывал, что коммерческим расчетом пренебрегали вынужденно: чтобы ограничить личное потребление и обеспечить «мобилизацию через бюджет всевозрастающих объемов накопления, направленного преимущественно на развитие тяжелой промышленности». Правда, уже и в этой старой, многим казавшейся бесспорной точке зрения было кое-что новое. Признавалось главное: что неэквивалентный обмен и приказное управление экономикой «затрудняют материальное стимулирование производства тех или иных продуктов и повышение производительности труда». У читателя, который хорошо помнил, что производительность труда, по Ленину, есть главный пункт соревнования между капитализмом и социализмом, должен возникнуть вопрос: каким образом то, что препятствует победе социализма в главном пункте, может быть необходимым, да еще «длительное время»?

М. Колганов выступал от имени тех, кто считал, что все, что было действительным, то и было разумным, что административное руковод-

ство народным хозяйством соответствовало известному уровню производительных сил. Это успокаивало, укладываясь в азбучное: производственные отношения, мол, всегда отстают, это естественно, ничего особенного не происходило, все было правильно и до мартовского Пленума, и после, и то правильно, что производственные отношения отставали, мешая росту сельского хозяйства, и то правильно, что их решили подогнать, чтобы больше не мешали росту сельского хозяйства. Член-корреспондент ВАСХНИЛ И. Моисеев хорошо показал, отвечая М. Колганову, что это «гегельянское» отношение к домартовским временам, в котором по виду так много патриотизма, есть, по существу, принижение политического значения принятых партией мер — принятых будто бы без борьбы, в обыкновенном рабочем порядке, чуть ли не в соответствии с неким давно составленным планом мероприятий. Нет, писал он, «длительное применение прежней системы хозяйственных отношений связано с неправильными представлениями о теории и практике социалистической экономики. С некоторым забвением разработанных Лениным принципов социалистического хозяйствования». Дело в том, что «его учение о принципах организации социалистической экономики на основе использования товарно-денежных отношений ошибочно относили только к переходному от капитализма к социализму периоду. Отсюда недооценка товарно-денежных отношений, стремление опорочить их».

Очень интересное тут слово «опорочить». Именно опорочить — поставить на них клеймо капитализма, вызвать представление о них как о чем-то низменном, пахнущем торгашеством, стяжательством, властью чистогана над людьми. В этом проявлялось комчванство, к которому за годы без Ленина прибавилось еще и ханжество: у нас все на идейном, а не на коммерческом (фи!) расчете! В этих выступлениях чувствовалось то ли желание «поправить» новую линию, пока она еще не совсем укоренилась, то ли укоризненное смущение перед тем, как объяснить ее сам ЦК. Эти объяснения казались некоторым чересчур, что ли, открытыми — точно так, как и в пятьдесят третьем. И в самом деле. В пятьдесят третьем не говорилось, что решениями сентябрьского Пленума (резко поднять закупочные цены, уменьшить налоговое бремя, под которым хирело сельское хозяйство, и ослабить административную опеку над ним) производственные отношения подтягиваются к производительным силам, что учитывается изменившаяся обстановка, что кончилась необходимость почти бесплатно получать от колхозов и совхозов продукты, нет, такой уступки «кавалеристам-гегельянцам» сделано не было. Говорилось прямо и сурово: исправляются ошибки, пресекается отступление от ленинских принципов материальной заинтересованности, и делается это не потому, что у казны, пока она бесплатно получала сельскохозяйственное сырье, накопились средства, а для того, чтобы, другими словами, закон стоимости перестал действовать как стихийная разрушительная сила и начал — как созидательная. То же самое в марте шестьдесят

пятого: пресекается, говорилось, отступление от курса пятьдесят третьего.

Сама прямота, с какой каждый раз объяснялись принимаемые меры, свидетельствовала, что они результат серьезной борьбы. Слово «борьба», мелькающее в газетах, не такое уж неуместное, если понимать его «по жизни»: действительно ведь идет борьба, везде и всюду, в теории и на практике. Если произошло отступление от курса пятьдесят третьего (а потом, как увидим, и от курса шестьдесят пятого) — значит, были люди, были силы, которые или добивались отступления и кое в чем преуспели, или не хотели (не могли...) достаточно настойчиво и умело проводить новую линию в жизнь, отстаивать ее и — главное! — развивать. О том, что совершается крутой поворот во внутренней политике и что надо ждать не только успехов, но и напряженной борьбы — ведь старые линии не стираются, не затухают сразу, они еще долго живут во многих порядках, обычаях, привычках, — об этой инерции, о том, что она представляет собою реальную силу, серьезную угрозу, тогда говорилось отчетливо.

В истории этой борьбы любопытная страничка связана с именем экономиста (теперь члена-корреспондента Академии наук СССР) Н. Петракова. В 1973 году он выступил со статьей, которая называлась «Мифы «рыночного социализма» и экономическая реальность», в журнале «Проблемы мира и социализма». Важность и определенная пряность этого события была в том, что экономисты-нетоварники к тому времени уже прочно закрепили за ним репутацию одного из самых рьяных поборников стихийности в отечественном хозяйстве. И вот этот будто бы «рыночный социалист» — именно он, а не кто-либо из его обличителей, считавших себя специалистами по борьбе с идеями «рыночного социализма» и уже претендовавших за это на пожизненную ренту, предпринял прямой критический анализ этих самых идей. Читающей публике было показано, что наши противники «товарников», по существу, исповедуют те же ошибки и выдумки, что и западные либералы из числа кабинетных улучшателей социализма. И тех и других вводит в заблуждение «сходство форм хозрасчета с практикой экономических расчетов капиталистических предприятий», как писал еще профессор Новожилов. И те и другие не понимают разницы между рыночными категориями там и носящими те же названия стоимостными показателями у нас: прибыль, рентабельность, рентные платежи, кредиты, плата за фонды. Ведь «уже один тот факт, — писал Петраков, — что рабочая сила не является при социализме товаром, коренным образом меняет существо экономических отношений». Все дело в том, «кто определяет цели социально-экономического развития, во имя чего осуществляется технический прогресс». Не понимает таких вещей — удел вульгарных экономистов всех времен, независимо от того, левые они или правые, красные, белые или полосатые. Он приводил замечание Маркса, что «вульгарный экономист не может представить себе форм, развившихся в недрах капитали-

стического способа производства, отделенными и освобожденными от их антагонистического капиталистического характера».

Западные либералы восхваляют «рыночный выбор» и рекомендуют его нам. Наши «нетоварники», естественно, ругают «рыночный выбор» и отвергают его. При этом и те и другие смыкаются в одном забавном отношении. Они забывают сущий пустяк: «рыночного выбора» в современном мире уже нигде нет, и, стало быть, все разговоры о нем, как хвалебные, так и ругательные, — пустая болтовня. Утверждать, как это нередко делают вульгарные экономисты, что наши товарники выступают за «рыночный выбор», в лучшем случае невежественно. Кто-кто, а они, «товарники», знают, что и на рынке капиталов, и на рынке потребительских товаров господствуют монополии, убившие прежнюю свободную конкуренцию. Концентрируя в своих руках капиталы, они, писал Петраков, «в известной мере решают проблему ресурсов для осуществления крупных программ научно-технического развития, требующих больших единовременных вложений, длительного периода разработок и практического внедрения». Планомерность пробивает себе дорогу даже в таких условиях, когда вся система народного хозяйства в целом остается анархичной. Каким же идиотом надо представлять себе и публике «товарника», чтобы говорить, что он против плана в условиях общественной собственности!

В уверенности, будто настоящий социализм — это не «план и рынок», а только «план», буржуазные ученые смыкаются с представителями крайне левых, троцкистских группировок. Н. Петраков приводил рассуждения троцкиста Э. Манделя, что «в развитых социалистических странах, по крайней мере в некоторых отраслях, товарные отношения могут быть ликвидированы», ибо, «продукты труда в социалистическом обществе носят непосредственно общественный характер и не имеют стоимости». Читать это, впрочем, было не только весело, ведь можно было раскрыть книгу... ну, скажем, нашего доктора экономических наук М. Соколова «Цены и ценообразование на сельскохозяйственные продукты», выпущенную Московским государственным университетом, и обнаружить в ней то же самое, черным по белому: назначение цены при социализме — быть неким бухгалтерским подспорьем, она всего-навсего «выполняет функцию учета и распределения». И сколько их тогда было — таких книг, учебников, статей, таких лекций и рассуждений по ходу принятия многих хозяйственных решений! «Идея об ограничении закона стоимости планом является все еще господствующим мнением советских экономистов, — писал и Новожилов. — Предполагается, что закон стоимости в каких-то отношениях ограничивается планом...» И вразумлял: «Одно из двух. Если закон стоимости действует в социалистической экономике, то его нельзя ограничить. Если же он не действует, то его не нужно ограничивать. План так же не может ограничить закон стоимости, как он не может ограничить закон тяготения или равенство квадрата гипотенузы сумме квадратов катетов. И вновь и вновь в числе

последствий попыток ограничения закона стоимости называл «отставание сельского хозяйства, нерациональное использование средств производства, ошибки в размещении производства, строительство нерентабельных предприятий».

Эти последствия давали себя знать и после шестьдесят пятого.

Административные рычаги были еще очень сильны и, что особенно тревожило «товарников», в любой момент могли усилиться. Соблазнов ухватиться не за тот рычаг — не за новый, а за старый, привычный — хозяйственная жизнь предоставляла немало. В марте 1965-го, решая довести до хозяйств стабильные и сниженные пятилетние планы, рассчитывали, что эти планы будут сильно перевыполнены, ведь за сверхплановое зерно была установлена полуторная цена. И что же? Какой оказалась картина заготовок в условиях, когда райкомы-исполкомы не оказывали на колхозы-совхозы особого давления, не требовали: к такому-то числу, если не часу, отправить на элеватор столько-то? В этих стихийных заготовках был полный беспорядок. Одно хозяйство продавало половину урожая, другое, соседнее, — четверть, третье — пятую часть. На Северном Кавказе, к примеру, процент участия колебался от тридцати процентов до семидесяти! Эта картина таила в себе большую опасность. Некоторые решили, что экономические рычаги показали свою несостоятельность, что деньги, даже хорошие, не способны действовать на наши хозяйства так убедительно, как привычная голая команда: «Давай-давай!» В соответствии с этим выводом вскоре опять вернулись к подрозверсточной практике заданий, начав менять их чуть ли не каждую неделю и тем самым все дальше отступая от линии мартовского (1965 г.) Пленума. Раз деньги — и большие! — не побуждают хозяйство продавать много зерна, значит, это не деньги... не те деньги — вот другой, единственно правильный вывод, который, кажется, сам собой вытекал из вопроса: «А что на них можно купить?» — но, как это часто бывает с выводами, за которыми не надо далеко ходить, путь к нему для многих растянулся на десятилетия.

В одной из своих статей шестидесятых годов экономист и публицист Геннадий Лисичкин подробно описывал любопытную и характерную драму, которую он обнаружил, присмотревшись к хозяйственной жизни Северного Кавказа. В одном углу (равном иному европейскому государству), там, где много солнца, чернозема и сравнительный достаток влаги, колхозам было очень выгодно выращивать пшеницу и невыгодно, даже при новых, повышенных ценах на мясо и молоко, заниматься овцеводством и молочным скотоводством. В другом углу, там, где много природных пастбищ, где бедные почвы и такие крутины, на которых не каждый комбайнер решается убирать хлеб, наоборот: выгодно было заниматься животноводством и невыгодно — пшеницей, хлеб получался слишком дорогой. Так вот, в том углу, где выгодна пшеница, колхозам повелевалось раздувать скотоводство и сдерживать зерновое хозяйство, отдавая кормовым культурам «пшеничную» землю, а в том

углу, где выгодно скотоводство, заставляют раздувать зерновое хозяйство, в ущерб овцам и коровам распаивать пастбища.

Это была ничья не глупость, не малограмотность, не безответственность, хотя не всякий читатель мог с этим согласиться, представив, как в одном углу сотни колхозов и совхозов из года в год просят: разрешите больше сеять пшеницы и меньше держать овец, а в другом углу тоже сотни колхозов и совхозов просят: разрешите больше держать овец и меньше сеять пшеницы — и слышат в ответ: первые, что Родине нужна от них, пусть она им и невыгодна, баранина, вторые, что Родине нужна от них, пусть она им и невыгодна, пшеница, а выгодная баранина — то само собой. Это была ничья не глупость, а кое-что похуже — это был принцип планирования «от достигнутого уровня» в действии — самое сильное выражение взгляда на сельское хозяйство как на что-то мертвое, не зависящее от природы и не связанное с нею, «это способ составления плана, когда к достигнутому в прошедшем году показателю механически плюсуется некий средний процент прироста и сумма эта утверждается как задание на следующий год». Такое планирование побуждает руководителей прибедняться перед плановыми органами, скрывать резервы (наша разновидность коммерческой тайны), но это еще не все. «От достигнутого уровня» означает, что если по каким-либо причинам, иногда случайным, где-то вместо пшеницы один раз посеют кактусы, то эти кактусы будут сеять вечно: за тем, чтобы структура хозяйства, набор культур и видов скота, пропорции производства оставались неизменными, неподвижными, следит сам механизм планирования, сбой в нем, к счастью, бывают, но пощады от него не жди.

Даже в Грузии, как известно, мандарины растут не во всех районах. В одном из таких районов местные власти как-то отобрали у перекупщиков 20 тонн мандаринов, доставленных откуда-то из-под Гагры, и продали государству. Так, в сводке о выполнении этим районом годового плана социально-экономического развития появилась строка: «Мандарины. План (в тоннах) — 0, продано государству — 20, процент выполнения — 100». На следующий год району был спущен план — 23 тонны. Если это и легенда, то очень близка к жизни — до сих пор близка. За последние двадцать лет не проходило дня, чтобы в центральных газетах и журналах, по радио и телевидению, на всевозможных совещаниях, на заседаниях постоянных комиссий и на сессиях Верховного Совета СССР не приводились похожие примеры, не доказывалось, что планирование «от достигнутого уровня» наносит крупный ущерб всем отраслям народного хозяйства.

В 1967 году в печати разразилась короткая, но исключительно резкая дискуссия о путях развития сельского хозяйства. Ее начал Л. Ефремов, бывший в ту пору одним из руководителей Ставропольского края. До широкой публики докатился (со страниц «Сельской жизни», где выступил он со своими соавторами, и «Нового мира», где ему отвечал Г. Лисичкин) мощный гул борьбы, которая уже давно шла и в земных

недрах, и в небесных сферах между двумя школами, если употребить это невинное слово. Школа, которую представлял Лисичкин, предлагала искать все входы и выходы в области производственных отношений в том, что сейчас называют хозяйственным механизмом. Это был путь экономический. Школа, которую представлял Ефремов, выступала против этих взглядов как против ереси. В производственных отношениях она не видела никаких изъянов, хозяйственный механизм ее вполне устраивал, все действительное она считала разумным и все разумное — действительным: надо, мол, не мудрить, а лучше работать. На мартовском (1965 г.) Пленуме было заявлено о намерении «способствовать всемерному развитию товарных отношений» и «покровительствовать свободным закупкам». Отсюда сами собой напрашивались такие меры, как укрепление рубля, контрактация, оптовая торговля, ценообразование на основе общественно необходимых затрат — все, без чего невозможно не только всемерное развитие товарных отношений, но и маломальски заметное. Обсуждение этих мер Л. Ефремов назвал «фетишизацией товарно-денежных отношений». Тут тоже было ясно направление его критики: свободные заготовки.

В этом пункте, как напишет через шестнадцать лет «Правда», и произошло отступление от политики марта. О свободных заготовках опять оставалось мечтать. Как и прежде, молдавский виноград колхозы-совхозы должны были продавать только в Молдавии, где его и так полно, никаких самостоятельных отправок на Урал или Север, то же с овощами, фруктами. И все эти стеснения торговли, в результате которых до половины урожая тех же овощей и фруктов шло скоту или пропадало, объяснялись тем, что государству виднее, что и как распределять в соответствии с коренными, высшими или какими-то особыми интересами всего общества. Получалось, что действовать против курса мартовского Пленума значило проявлять сознательность, заботиться о государстве. Против цен на продукцию сельского хозяйства, повышенных по решению мартовского Пленума, бороться было сложнее, но и тут «кавалеристы» в конце концов преуспели. Повышение закупочных цен было постепенно сведено на нет повышением о т п у с к н ы х ц е н — на технику, удобрения, стройматериалы, топливо.

«Товарники» были за преобразования плюс капитальные вложения. Ефремов был за капитальные вложения без каких-либо преобразований, он настойчиво требовал для сельского хозяйства только того, что можно пощупать руками, — машин в первую очередь. Политэкономическому подходу противостоял административно-технический. Ефремов не выдвигал никаких идей, не предлагал никаких улучшений, перемен, он просто протягивал к государству руку: дай то, дай это, и все будет в порядке. Дано было много, очень много. В одиннадцатой пятилетке капитальные вложения в сельское хозяйство достигли фантастической суммы — 170 миллиардов рублей, а отдача от каждой сотни рублей, ис-

траченных на технику, удобрения, стройматериалы, продолжала снижаться.

Спор «купцов» и «кавалеристов» оказался далеко не исчерпанным.

Особенно часто фигура «всадника» в семидесятые годы возникала перед нами на холмах Молдовы, именно его размашистый почерк угадывался в неуклонном, казалось, безотчетном стремлении побыстрее свернуть начавшуюся было там межколхозную кооперацию в рамки обычных административных отношений, именно его натура и философия проявлялись в этой роковой, прямо-таки видовой неспособностью принимать во внимание, что живая жизнь есть живая жизнь, опираться прежде всего на интересы и природные особенности, будь то интересы и природные особенности человека, хозяйства или местности. Нельзя было не приветствовать переход «от правления колхоза к правлению колхозов», к выборным советам колхозов, которые собирались разрабатывать общую политику хозяйствования и в которых, по идее, решающее слово принадлежало не служащим аппарата или кому-нибудь другому, а председателям колхозов. Но между тем, что должно было быть «по идее» и на первых порах даже бывало, и тем, что происходило потом, была разница, становившаяся все более существенной. Деньги в фонд общего пользования, например, почти сразу начали изымать из колхозов по прямым распоряжениям республиканского Совета колхозов. Если деньгами колхоза распоряжается не сам колхоз, толку ждать нечего. Это означает, что Совета колхозов, в котором все решают председатели, уже нет, под его вывеской — обыкновеннейшее управленческое учреждение, все там решают один-два человека, а это значит, как известно, что ничего не решают и они, всем заправляют безвестные, незаметные, почти бесплотные служащие, технический аппарат, чьи коренные жизненные интересы никак не связаны с полем и фермой. Подлинный Совет колхозов никогда, ни при каких обстоятельствах, ни под каким видом не посягнет ни на одну колхозную копейку, потому что подлинными членами Совета, живые, из теплой плоти, председатели колхозов, знают: общий фонд только тогда не будет колхозу безразличен, когда он сам, совершенно добровольно, сто раз прикинув так и эдак, решит участвовать в нем своей копеечкой; а общий фонд, который безразличен колхозам, — это выброшенные деньги, на них ничего путного не создашь.

Чтобы не стогнать тысячу беспородных коров во дворец, обошедшийся в пять миллионов, совсем не обязательно быть семи пядей во лбу. Надо другое, все то же: чтобы хозяйственные дела решались не районным активом, у которого нет ни рубля своих денег и который поэтому не может ни проиграть, если забудет, что мясо наращивается не на бетонных конструкциях ферм, а на костях свиней, ни выиграть, если будет об этом помнить, а имеющим деньги колхозом: чтобы специализация с концентрацией и с чем там еще была исключительно его, колхоза, коммерческим, купцовским делом; тогда колхоз, знающий, что может

разориться, сто раз подумал бы, прежде чем испрашивать миллионный кредит, а банк (не районный актив, а Государственный банк Союза ССР!) — прежде чем давать. Низкая квалификация людей, ворочавших чужими — колхозными — миллионами в Молдавии, — не это была причина неудачи; причина была та, что они, более или менее ответственные служащие более или менее важных учреждений, ворочали именно чужими деньгами: нарушали, как это обычно называется, хозрасчетные принципы деятельности колхозов, не считались с их хозяйственной самостоятельностью.

И об этом со всей определенностью, на строгом языке политического документа было сказано в постановлении Центрального Комитета КПСС (1976 г.) о развитии специализации на базе межхозяйственной кооперации. Оно требовало «не допускать спешки, перепрыгивания через этапы и перегибов», особо предупреждало («о недопустимости гигантомании, строительства экономически необоснованных сверхкрупных предприятий по производству мяса, молока и других продуктов») и (здесь-то он и был — приговор политэкономическому авантюризму) настаивало на «сохранении хозяйственной самостоятельности колхозов и совхозов, других предприятий и организаций, входящих в межведомственные и агропромышленные объединения». Только такие — самостоятельные, а значит, и заинтересованные участники складчины способны играть «роль дрожжей в квашне» индустриализации сельского хозяйства, без них самые большие капитальные вложения мало что дадут, даже если в административном управлении хозяйством воцарится полная техническая грамотность: деньги будут вкладывать не в стены, а в корма, удобрения направлять в первую очередь туда, где земля лучше всего на них откликается, и пр. Вопрос о грамотности административного управления хозяйственной жизнью вообще имеет столько же смысла, сколько вопрос о грамотном передвижении на руках: как бы грамотно мы ни научились ходить на руках, все же на ногах будет лучше; удобнее, быстрее.

Разбирая подобные, сравнительно недавние коллизии плана и хозрасчета, снова и снова спрашиваешь себя, почему экономические способы до сих пор не проникли в хозяйственную жизнь так глубоко, как можно было ожидать в середине шестидесятых годов, почему и через двадцать лет в новой редакции Программы КПСС подчеркивается необходимость, актуальность задачи: «полнее использовать товарно-денежные отношения в соответствии с присущим им при социализме новым содержанием?»

В связи с этим нельзя не вспомнить одно из положений профессора Новожилова насчет хозрасчета. В ходе демократизации плановой экономики, предупреждал он, нельзя будет обойтись без «организации хозрасчета органов управления» — без таких порядков, при которых эти органы несли бы «реальную ответственность за свои решения». (Еще в 1964 году об этом писал в журнале «Коммунист» и академик Несмеянов.) А

наиболее полной реальная, то есть материальная, ответственность может быть только в том случае, если результаты управленческой деятельности, как и всякой другой, будут измеряться, ведь измерение «результатов работы отдельного звена — основа хозрасчета». Другими словами, ответственные служащие министерств и любых иных управленческих учреждений должны зарабатывать себе на жизнь точно так, как зарабатывает токарь у станка или доярка на ферме: «Вклад высших звеньев состоит в том приращении эффекта работы низших звеньев, которое обусловлено плановыми и регулирующими решениями высших звеньев. Это приращение нелегко отделить от прироста прибыли, являющегося заслугой низших звеньев. Тем не менее эта задача разрешима. Настало время приступить к ее решению».

Новожилов напоминал, какое внимание созданию заинтересованности и ответственности работников управления уделял Ленин. «Политбюро требует безусловно перевода на премию возможно большего числа ответственных лиц за быстроту и увеличение размеров производства и торговли как внутренней, так и внешней», — писал Ленин в проекте директив Политбюро ЦК РКП(б) о новой экономической политике. Новая экономическая политика не была бы новой, если бы она оставила «военно-коммунистическую» систему твердых окладов. Хозрасчет и твердые оклады — вещи несовместимые, вновь и вновь подчеркивал профессор. «Хозяйственный расчет предприятия может быть полным лишь тогда, когда высшие звенья производства (главные управления, министерства) несут ответственность за убытки в эффективности его (предприятия) работы. Лишь при охвате хозрасчетом всех звеньев производства по вертикали подчинения можно добиться объективного измерения результатов деятельности каждого звена».

Вот этого охвата многим и не хотелось, в этом охвате для многих и была опасность. А опасностей люди обычно стараются избегать.. Служащий, который получает или пусть даже исправно отработывает твердый оклад, и служащий, который зарабатывает себе на жизнь, — это как бы две разные породы людей. Первая всегда готова и всегда способна порождать такие явления, как бюрократизм, субъективизм (почему, кстати, не говорить: волокиту, самоуправство, отсебятину?..), вторая — нет, из нее бюрократы, волонтеры, субъективисты не выходят. Профессор Новожилов был прав, когда говорил о неспособности многих своих современников видеть разницу между прибылью капиталиста и прибылью социалистического предприятия, из-за чего они и боятся «купцовских» порядков; стоило бы только добавлять, что бюрократу, да и всякому служащему, которому твердость его оклада дороже всего на свете, не видеть этой разницы, упорствовать в «левацком» отрицании закона стоимости просто-напросто выгодно.

Но дело, наверное, не только в этом — не только в том, что у бюрократа в сохранении административных порядков есть свой прямой жизненный интерес, — скажет всякий, кто знает, как распространены в на-

ших пределах нетоварные понятия и как сильны и стойки противотоварные настроения. Сто лет назад А. Н. Энгельгардт описывал, как вели себя дорогобужские крестьяне, когда их торопили с уплатой податей. «Царю нужны деньги!» — говорили им. «У царя денег много, — невозможно отвечать мужики. — А не хватит, велит напечатать, сколь ему надо». Отношение нынешнего населения к деньгам — что такое деньги, для чего они существуют, как с ними обращаться — тоже очень показательно. Сейчас, как известно, на повестке дня очень важная задача: добиться, чтобы рост зарплаты перестал опережать рост производительности труда, — до сих пор не раз бывало, что нет-нет да и велим допечатать, благо царя нет, своя рука владыка. А мало ли еще людей, уверенных, что цена всего и вся не только зависит, но и должна зависеть от начальства? Считается, что с деньгами можно делать все. Например, не только платить их человеку за работу, но и указывать ему, на что он должен их тратить, а на что не должен, продавать ему не то, что он хочет купить, а то, что решат власти, администрация или общественность.

«Да, я понимаю, не может пока наше общество одеть всех людей модно и красиво, — пишет в газету «Комсомольская правда» двадцатилетняя Татьяна Агапова, токарь из Ростова. — Но всех и не обязательно. Надо тем предоставлять все блага, кто этого больше всего заслуживает, а именно рабочие этого заслуживают больше, чем остальные. Почему бы, например, не построить один-два магазина на территории завода только для рабочих этого завода и снабжать их в первую очередь?» Мышление в духе «военного коммунизма» выражено в этом письме с удивительной чистотой и непосредственностью. Раз человека одевают и обувают не портные и сапожники на его деньги, по его заказу, вкусу, прихоти, а общество, то есть власти, начальство, значит, нет ничего странного в той идее, что всех — не обязательно, что клиентов можно отбирать, сортировать, выстраивать в очередь, кого-то одеть-обуть лучше и прямо сейчас, кого-то — хуже и когда-нибудь потом. Раз «все блага» будут расходиться на таких условиях, значит, слово «торговля» станет неуместным, и Татьяна Агапова не случайно употребляет другие, более точно выражающие суть дела слова: «предоставлять», «снабжать». Рабочие, безусловно, заслуживают «всех благ», сказал бы «товарник» токарю Агаповой, беда только в том, что подрыв авторитета денег продажей лучших вещей не каждому, у кого есть на что их купить, а по выбору, — это уступка тому самому продуктообмену, с которым «ничего не вышло», «военному коммунизму», который был всем хорош, за исключением того, что мешал росту производства, плодил иждивенцев и лодырей.

Подрывать авторитет денег — значит подрывать оплату по труду: ведь если один за свои деньги может купить то-то и то-то, а другой за такие же деньги не может, значит, это не такие же деньги, значит, оплачивается не только труд, а еще что-то. В руках любого и каждого рубль должен иметь одинаковую покупательную силу, а иначе это не рубль, не всеобщий эквивалент. Он и только он, а не положение, заслуги или зна-

комство, должен давать доступ к прилавку, и дело тут не просто в справедливости. Рубль, не являющийся всеобщим эквивалентом, снижает материальную заинтересованность людей в труде. Большие силы и таланты некоторых, очень желающих много иметь, уходили бы не на то, чтобы больше работать и, следовательно, зарабатывать, а на то, чтобы лучше устроиться; попасть туда, где лучше со снабжением, и так постепенно в обществе падало бы уважение к труду, и наступил бы момент, когда человека стали бы ценить не по тому, как он трудится, а по тому, где ему позволено тратить его деньги, в какой список он сумел попасть. Любой законченный, строго выдержанный проект посписочного, «помимоденежного» распределения, что бы ни думал о нем сам автор, будет проектом всеобщей безалаберности и безответственности, карьеризма, склок и лицемерия, проектом общества, где каждый стремился бы сделать меньше, а получить больше, и в итоге остановился бы рост производства, захирела бы наука и техника, начала бы вырождаться культура. Так, со всем уважением к самым лучшим намерениям Татьяны Агаповой сказал бы ей грамотный экономист, но такового в газете не нашлось, и рабочему человеку ответили по всем правилам словесной джигитовки: «Претензий к торговле у всех нас много, но должны ли мы их ставить в основу нашего отношения к работе?» Разумеется, не должны, мы ведь святым духом питаемся, кто это там говорит, что за рубль, на который нечего купить, хорошей работы ждать не приходится, что все эти дефициты подрывают материальную заинтересованность — действительную, никем не выдуманную, существующую «от природы» основу социалистического и коммунистического строительства!..

Среди «кавалеристов» были люди, которые неподдельно переживали, думая, что «от рынка» может пострадать государство. Это была их боль, их правда. Чувствуя себя уполномоченными пекся о народе, блюсти его высшие, коренные интересы, поддерживать устои государства, они в то же время мыслили очень конкретно, без малейшего отрыва от сей минуты с ее земной неотложной потребностью, нехваткой того-другого, пятого — десятого — словно некий добросовестный, вечно чем-то озабоченный, ждущий подвохов и неувязок снабженец. Вдруг чего-то недополучишь для государства! А ну как окажется, что закон стоимости и основанные на нем премудрости будут, а в закромах по осени — хоть шаром покати?! Колхозы-совхозы отбились от рук, зажили своим умом, своим рыночным интересом — и вот нечем кормить города... Судьба заготовок — главная кручина нашего «всадника», все еще находящегося под впечатлением 1928 года с его кризисом хлебозаготовок¹. Провала заготовок он боится так, что становится от этого смел до дерзости: слова «свободные закупки», на всю страну осуждая их смысл, Ефремов ставит в кавычки через год после того, как в материалах мартовского (1965 г.)

¹ Подробно об этом см. в книге «Советское крестьянство». М., 1970. — Стр. 156—162.

Пленума они были употреблены без кавычек и в самом положительном смысле: «свободным закупкам сельскохозяйственной продукции государство будет покровительствовать». Он спасает страну от разброда. Этим и объясняется его особая, саботажная энергия. Не допускать перемен, ломки, движения — оставлять все по-прежнему, ничего не делать, не рисковать. У этой политики добросовестного, но очень недалекого служащего, уверенного, что без него мы и ложку ко рту не поднесем, ведь это он с утра до вечера только то и делает, что решает, кому дать то, кому это, только он знает, что значит, когда того не хватает здесь, этого — там и надо где-то что-то выкраивать, там урезать, здесь добавлять, — это политика деятельной бездеятельности, топтания на месте, латания тришкина кафтана имеет свое название, хоть оно ему и неизвестно: политика иммобильности...

Бессознательно, а нередко и сознательно он ставит по одну сторону воображаемого барьера себя, а по другую, противоположную — колхозы-совхозы. Он — это хозяин, а колхозы-совхозы — это что-то вроде работников, за которыми нужен глаз да глаз. Если даже сейчас, когда все им расписано, они не выполняют то одно, то другое — приходится и уполномоченных посылать, и выговоры объявлять, то что же будет, если предоставить их самим себе? Так рассуждая, он считает зловредной демагогией противоположный, новожиловский ход мысли: если не помогают ни выговоры, ни уполномоченные, надо перестать выговаривать и посылать уполномоченных, надо попробовать совсем другое. Считая себя и только себя зрелым, «нетоварник» в то же время рассуждает по-детски: раз колхоз не дает ни пуха ни пера, значит, он плохой. Взрослое, подлинно зрелое рассуждение: раз колхоз не дает ни пуха ни пера, значит, он не заинтересован их давать, — «кавалеристу» не приходит в голову, а когда ему пытаются это вдолбить, он считает себя оскорбленным в лучших своих чувствах. Овец им, видите ли, захотелось разводить! Овец вы и без меня разводили бы, козь это вам выгодно, а со мной вы будете делать то, что вам невыгодно!..

Статья 41 Основ гражданского законодательства предоставляет покупателю право по собственному выбору потребовать, чтобы негодный товар ему сразу же заменили, или бесплатно отремонтировали, или вернули его стоимость. Обнаружив, что появившаяся в 1973 году инструкция насчет пяти ремонтов противоречит закону, «Правда» обратила на это внимание Прокуратуры СССР. Прокуратура рукой первого заместителя Генерального прокурора Н. Баженова отписалась: для вмешательства, мол, нет оснований. Речь шла о деле очень большой политической и хозяйственной важности. Политической — поскольку нарушение закона затрагивало жизненные интересы миллионов, хозяйственной — поскольку до тех пор, пока потребителю, как пишет 19 июня 1985 года «Правда», «не будет обеспечено безусловное право на обмен дефектных товаров, надеяться на повышение их качества трудно». В том, что Н. Баженов не сумел или не захотел этого понять, нет ничего интересного:

среди должностных лиц на твердых окладах всегда находится какое-то число людей, которые или не доросли до своих обязанностей, или просто не любят работать. Интересно другое. Оказывается, противоречащее закону правило было принято Министерством торговли и комитетом стандартов не как-нибудь, а «по согласованию с рядом министерств, выпускающих телерадиоаппаратуру и сложную бытовую технику». На каком основании Н. Баженов и решил не вмешиваться. Он не только не увидел ничего странного в том, что меры против бракоделов услужливо согласовываются с самими бракоделами, а наоборот, как раз это его и успокоило. Он проявил особую сознательность, солидарность «государственного» человека с казной, философию единого кармана, общего интереса, понимаемого по-чиновничьи грубо и низко — вульгарно, как это обычно называется. Все, что государственное, что согласовано и утверждено, все, что делается по плану, циркуляру, директиве, надлежит так или иначе защищать — особенно перед частными лицами, перед населением, которому никогда не угодишь...

Интересно, однако, что при всем том, что «кавалеристы» чувствуют себя поставленными радеть о благе государства, их как-то не волнуют потери, расточительство ресурсов — все, чем грешит приказное планирование и управление. При нашей, мол, бесхозяйственности потери неизбежны. Потери неизбежны, но это не страшно. Главное не то, сколько потеряно по ходу производства, в поле, например, или по пути с поля, а то, сколько прибрано, заготовлено для государства. О потерянном рассуждают как о чужом, свое — только то, что прибрано. Это особый вид государственной озабоченности: любой ценой удовлетворить потребность сей минуты, а завтра хоть трава не расти. В Ефремове, как можно было судить по его борьбе против Марта, этот тип «заготовительного» человека был представлен со всей возможной полнотой. Его философия — философия разовой неотложной потребности, чрезвычайного положения, разразившегося. Довлее днєви злоба его... Во времена разверсток о производстве не думают, некогда, главное — взять готовое, произведенное. Когда Ленин это заметил, когда стало бросаться в глаза, что разверстка, подрывая материальную заинтересованность людей, тормозит производство, он от нее отказался. Но тот «социализм чувства», о котором писал Ленин, оказался более живуч и властен, чем думалось нам. «Социализм мысли» натолкнулся к тому же на известный «дух народа» — на очень распространенное, нередко почти безотчетное убеждение, что надо не заинтересовывать, а погонять: зачем искать торговый подход к заводу-бракоделу, когда можно применить административный, то есть: директору — велеть ликвидировать брак, а рабочих — призвать? «Люди должны делать все, что нужно, а если дурно будут делать, то на это есть розги», — говаривал легкий на помине граф Аракчеев. Ему тоже непонятным, мудреным казалось, «что будто людей нельзя содержать так, чтобы они делали свое дело. Отчего же солдаты все делают, что им прикажут, ибо знают, что их накажут, если не сделают, что приказано?»

«Кавалерист» знает только, так сказать, отрицательную заинтересованность; его пониманию доступна только принудительная, основанная на страхе перед наказанием или осуждением связь интересов работника и предприятия, предприятия и общества. Он не подозревает, что только положительная материальная заинтересованность способна на чудеса, что она действенное самой крайней отрицательной.

Перед войной на электростанциях страны случалось много аварий. «Чаще всего они происходили из-за ошибок персонала, — пишет «Правда» (1 июля 1985 г.) — Время было суровое. Иные работники из-за своей технической малограмотности во всякой аварии склонны были видеть вредительство. Такая оценка сбивала с толку, мешала выявить истинную причину». И вот в инспекцию по расследованию причин аварий пришел молодой инженер Д. Г. Жимерин. По его настоянию был сделан поворот на сто восемьдесят градусов, не карать (меньше карать) за плохую работу, а поощрять (больше поощрять) за хорошую. «Так, за экономию топлива при соблюдении диспетчерского графика полагалась ощутимая премия. Кроме того, за год безаварийной работы устанавливалась надбавка — 10 процентов, которая в конце второго безупречного года вырастала до 15 процентов. А если провинился — начинай с нуля». И что же? То, чего люди не могли добиться даже под угрозой обвинения во вредительстве, они сделали в условиях «четкой и ясной» системы положительной — материальной! — заинтересованности, которая заставляла их «не только заболитово ухаживать за машинами, но и активно учиться». За один год число аварий по вине персонала сократилось в пять (!) раз, а молодого инженера Жимерина вскоре назначили наркомом электростанций.

Из того, что «кавалеристы» не верят в положительную заинтересованность, вытекает их приверженность ко всякого рода отработочным порядкам. Уязвленный тем, что многие станичники в Предгорье на Кубани с большой охотой выращивают коконы шелкопряда, за которые государство хорошо платит, а взять в руки тяпку и отправиться в поле на свеклу, где заработки намного хуже, их не допросишься, один молодой «кавалерист» из очерка Гария Немченко «На фоне неба» («Новый мир», 1985, № 3) говорит: «Надо так: хочешь заняться шелкопрядом — отработай столько-то дней в поле, принеси справку». Узнают коней ретивых... Это типичный, прямо-таки плакатный «кавалерист», который не в состоянии понять, что чего-то путного можно добиться не принуждением, притеснением, ограничением, а поощрением и разрешением. Умный его собеседник отвечает ему словами американской пословицы: «Бык жиреет от взгляда хозяина». На поле, где люди будут не работать, а отработывать для справок, хорошо будут родить только бурьяны — вот в чем все дело.

О том, какой трудной материей оказываются для многих самые азы, основы коммерческого расчета, можно судить по разговорам о показателях. Год за годом немало ответственных и ученых людей изобретают,

конструируют эти показатели, то есть рассуждают, в чем должно отчитываться предприятие перед центральной властью, по каким результатам его деятельности лучше всего судить, хорошо или плохо оно работает. Для «товарника» этот вопрос давно ясен. Показатели, то есть признаки успешной или неудачной деятельности завода ли, совхоза, колхоза, сберкассы или стадиона, нельзя изобрести, выдумать, сконструировать. Их надо увидеть в жизни, обнаружить, открыть — и сделать это можно через законы товарного производства, через знание этих законов и умение использовать их на пользу делу. Эти показатели, эти признаки те же самые, по которым судят и о материальном благополучии отдельного человека. Сколько он зарабатывает? — вот что нам важно знать, чтобы решить, как его дела. Говоря о ком-либо, мы не обсуждаем, сколько болванок он вытачивает, если это токарь, за смену или за месяц, — мы говорим о его заработках, о доходах. Раз деньги — всеобщий эквивалент, раз товарно-денежный обмен — высшая форма обмена, то и реальным показателем деятельности завода может быть только тот, который вытекает из этой денежной природы. Валовой доход, прибыль. «Казна за долги трестов не отвечает», — когда провозглашался этот принцип, то из него сами собою вытекали именно эти показатели, эти признаки. За что Ленин предлагал судить руководство предприятий всем скопом? За то, что мало выпускают каких-то шестерен или машин? За то, что шестерни или машины плохие? Нет, за убытки. Раз убытки — значит, и с шестернями что-то неладно, а что именно — это уже детали, это казну, то есть центральную власть, государство, не интересует, казне подавай не шестерни или машины, а налог.

И вот этот простой вопрос умудрились запутать! Подозревают доход и прибыль, толкуют, что они не все показывают, не то показывают, не на то нацеливают предприятие, не то производить, ради чего оно существует. При этом как-то упускают из виду один пустяк. Когда Ленин говорил, что казна за долги трестов не отвечает, из этого с необходимостью вытекало, что тресты имеют столько прав и простора для своей деятельности, чтобы ответственность за ее результаты была действительно их ответственностью, а не тех, кто ими командует. Назначать цену на изделие, предписывать объемы производства, указывать поставщиков и потребителей, то есть решать за предприятие все его жизненно важные дела и в то же время не отвечать за убытки, — это была бы нелепость, издевательство. Отвечает тот, кто решает. Если завод не решает вопросов, от которых прямо зависит, будет прибыль или убыток, то он не имеет никакого права на прибыль и не может нести никакой ответственности за убыток. Ленинское положение «казна за долги трестов не отвечает» — это и требование, это и гарантия достаточной хозяйственной самостоятельности трестов, это требование и гарантия уважения законов товарного производства. Упустив это из виду, разочаровавшись в стоимостных показателях — стоимостных только по форме, неизбежно пришли к тому, с чего человечество начинало, — к натуральным пока-

зателям. Доденежный показатель, дикарский, первобытный — это когда о достатке судили по тому, у кого какое стадо, табун или отара.

«Товарник» призывает не мешать предприятиям стремиться к их естественным целям, не мешать им бороться за то, за что не может не бороться всякий участник товарного производства, — за доход и прибыль. Раз продаешь и покупаешь, раз хозяйство ведешь не натуральное, а товарное, значит, тебе нужны деньги, доход, прибыль. А единство, гармонию интересов лучше всего обеспечивать тщательно взвешенной регулировкой цен, ссудного процента, налога, при этом ведя строгий учет потерям от такого вмешательства в естественный ход вещей, проверяя правильность каждого вмешательства рынком. Те, кто изобретает показатели, кто требует натуральных, не понимают природу денег. Для них деньги вроде бы и не бумажки, а в то же время и бумажки. Не понимают, что деньги обслуживают реальный обмен реальными ценностями, и все, что нужно, чтобы обмен был реальным и чтобы ценности были реальными, — это не мешать деньгам быть деньгами.

Так что, может быть, отчасти действительно правы те, кто замечает, пусть с улыбкой, что это народники наших дней. Народник преувеличивал роль героев, «кавалерист» — роль начальства. (Впрочем, прикидывая, что делать после того, как герои свергнут старый строй, народники тоже полагались исключительно на прямое действие, на команду, на новое начальство и, однако же, искренне обижались, когда Плеханов им говорил, что у них получится «обновленный царский деспотизм на коммунистической подкладке».) У «кавалериста» наших дней находим тот же, что и у народника сто лет назад, бессознательный субъективизм и волюнтаризм: мы такие, мы все можем, в истории нет никакой целесообразности, только желаемое, все тот же расчет на прямое действие, ту же уверенность, что кучка самых сознательных, решительных людей, единодушно пожелав, способна как угодно изменять окружающую действительность, нужное — внедрять, лишнее — искоренять, за каковым единодушным пожеланием только и остановка. Эта склонность считать себя не с жизнью, а со своими мнениями о ней, мечтательность, недовольство наличным человеческим материалом, который подпорчен, запятнан корыстолюбием и не готов добровольно идти в рай, решимость загонять его туда палкой и выжигать родимые пятна каленым железом — этот букет действительно заставляет вспоминать не кого иного, как социалистов-утопистов: тех же народников — у нас, тех же сенсимонистов — на Западе, тех же спартанцев, как заметил однажды Геннадий Лисичкин, — в Древней Греции.

Чиновник с циркуляром, наученный, что делать, передовыми людьми общества, то есть адвокатами, приват-доцентами и публицистами, — вот герой поздних народников, именно он должен был вести российскую толпу по их усмотрению; запрещать рост городов с их банками и крупными заводами и приказывать кустарным мастерским, где им быть, чего сколько выпускать, кому и почем продавать; он должен был

иметь глаз и за мужиком — как бы тот не стал сеять вместо пшеницы кактусы или, наоборот, вместо кактусов пшеницу, да притом не по науке, а по-своему, и, разумеется, его чиновничьему сугубому попечению должно было подлежать просвещение, вся культура, все духовное, во что и как народу верить, чему его учить, что давать ему читать, слушать или смотреть, какие обычаи и правила соблюдать (только старые, только проверенные, никаких, к примеру, разводов). Чиновник с циркуляром оказался и героем наших «кавалеристов», теперь, правда, наученный, что делать, ими, а не адвокатами и приват-доцентами.

Нет правды в поношениях — но, истово следуя даже этому правилу, можно, оказывается, перестараться. Если «кавалеристы» всегда знали, что сказать о «купцах» («апологеты стихийности...»), и никогда не осторожничали в выборе поносных слов, то самое крепкое, что слышали в ответ, было «безграмотность». Постоянно сталкиваясь с деятельностью «кавалеристов», дружно, вместе со всеми от нее страдая то в очереди за пучком редиски, то в беготне за кольцом туалетной бумаги, «товарники» не спешили обнажать все пружины этой деятельности, показывать всю ее историческую родословную и теоретическую подноготную, поднимать учения и течения, с которыми она связана. Несколько принципиальных замечаний на сей счет находим опять же в шестидесятых годах. Показывая, как получилось, что рынок был надолго исключен из числа регуляторов народного хозяйства, наши лучшие экономисты тогда прямо связывали это с оживлением идей «левого коммунизма», против которого так настойчиво боролся в свое время Ленин. Именно тогда профессор Новожиловым, например, были процитированы — едва ли не впервые со времен нэпа — слова Ленина о бюрократических утопиях.

Эти поразительные слова Ленин начал обрушивать, как ледяной дождь, на горячие головы лучших вождей и сынов революции тогда, когда ему стало окончательно ясно, что строить социализм в расчете на чистый энтузиазм — значит никогда его не построить, что опираться надо в первую очередь на материальный интерес, на торговый — предприятий и на личный потребительский — граждан, на естественное желание всякого человека и коллектива получать за свой труд достойное вознаграждение. А составляя хозяйственные планы, рассчитывать на худшее, на трудности и неудачи; расчет на лучшее — это и есть бюрократическая утопия.

Последний раз слово «утопия» употреблено Лениным незадолго до смерти, в статье «О кооперации», когда он увидел (это было как озарение, хотя отнюдь не на пустом месте: на дворе был нэп), что коллективная хозяйственная самостоятельность населения при Советской власти возможна, что без нее никуда, что рост кооперации тождествен росту социализма, что теперь, при общественной собственности на основные средства производства, может быть осуществлено многое из того, что было пошлым в мечтаниях великих теоретиков кооперации, строителей фаланстеров... Кое-что в мечтаниях социалистов-утопистов переста-

ло быть пошлым, то есть пустым,— и это очень хорошо. А что же осталось пошлым и пребудет пошлым вовеки? Чего следует остерегаться?

Пошлым в мечтаниях социалистов-утопистов остался бюрократизм, вера в силу стола, постановления, распоряжения, инструкции, в то, что декретами из «Центрального банка», где заседают непогрешимые, можно устроить рай на земле, как полагал Сен-Симон¹. Это он предложил своим современникам и оставил потомкам проект общества, устроенного как один большой завод; это он первый мысленно согнал на этот завод все население страны для «объединенного воздействия на природу» по «Общему плану», целью которого являлось, конечно же, предоставление каждому человеку «Возможно больше удобств и благосостояний». Он не сомневался, что всеми бригадами, участками и цехами этого завода будут управлять лучшие, а в дирекцию («Центральный банк») войдут самые лучшие люди; что же касается директора, то это будет совершенство, гений и святой в одном лице. Руководить они будут по науке, значит, во благо всех и каждого, а раз во благо, значит, правильно, а раз правильно, значит, незачем будет их проверять, критиковать, давать им наказания и советы, отзываться либо перемещать по воле низов; впрочем, у них будет не так уж много власти, ведь их распоряжения будут носить технический характер (как плавить сталь, сеять просо), так что управлять будут фактически не они, а «приобретенное к данному моменту знание»; все будет держаться на исключительной, высшей сознательности населения — однако воспитывать, вбивать в людей эту сознательность надо будет неустанно, придется даже выдумать новую религию и создать новую церковь, ведь «чем больше общество прогрессирует, тем больше оно нуждается в совершенствовании культа»; этому культу — культу не чего-нибудь, а труда — поэты должны будут доставлять воспитательный материал высшей пробы, главнейшим из искусств будет красноречие; само собой разумеется, что новая церковь будет объявлена непогрешимой, ее пастыри будут направлять поведение и «толкать мысли людей» так, с таким расчетом, чтобы они охотно, много и хорошо трудились, ведь других — обычных, привычных — стимулов к труду не будет; материальная заинтересованность — это от нечистого, где она, там никакого равенства имуществ, там вместо благородной взаимовыручки — холодный обмен на основе чистогана, там предпринимательство, торговля — одним словом, излюбленным у наших шестидесятников, лихоемство.

Эта святая утопическая ненависть к лихоемству, к барышникам, коммерсантам («Всякий осел может в один месяц изловчиться и обратиться в искусного торговца», — писал Фурье) потом и обернулась тем отношением к законам товарного хозяйства, к торговле, которое Ленин должен был назвать коммунистическим чванством, полубарским, полу-

¹ Подробно об этом см. в кн.: Ципко А. Идея социализма. — М., 1976. — Стр. 181—205.

крестьянским «социализмом чувства», назвать, кого-то смущая, кого-то восхищая таким решительным сближением низов с верхами, рабов с господами, какое бывает только в жизни.

Отсюда же, из этого красивого, но беспомощного «социализма чувства», выходило и то детское преувеличение возможностей прямого, приказного, революционного действия, которое Ленин считал едва ли не единственной подстерегающей революционеров опасностью — единственной, но смертельной, даже хуже, чем смертельной, потому что речь шла о болезни, от которой они могут погибнуть «в смысле не внешнего поражения, а внутреннего провала их дела». Наверное, не случайно именно об этой болезни вспомнил в одном из первых своих выступлений Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев: «Многим еще кажется, что если меньше советоваться, а лишь командовать, то будет проще и короче путь к намеченной цели». «Проще и короче» — это то, о чем иначе говорят: «Не будем разводить демократию». Не разводить демократию можно, но тогда нечего рассчитывать и на достаточный рост производства, на тот же технический прогресс.

И туда же, в глубину того же «социализма чувства», нельзя не бросить хотя бы мимолетного взгляда, когда думаешь, почему по сию пору так просто и коротко относятся к законам товарного хозяйства «самые высокие областные и республиканские инстанции», которые, как пишет в «Правде» (9 июля 1985 г.) начальник Саратовского управления торговли К. Ионов, изо дня в день заставляют его принимать на продажу «то, что негоже», — например, шубы из искусственного меха весной, или какой силой столько десятилетий держится положение, когда «предприятие не распоряжается своей прибылью, а использует ее по строго установленным направлениям», как пишет в той же «Правде» (11 июля 1985 г.) генеральный директор объединения «Станкостроительный завод имени Серго Орджоникидзе» Герой Социалистического Труда Н. Чикирев, объясняя, почему «нет стимула хозяйствовать вдумчиво, рачительно». В этой простоте и короткости можно, между прочим, разглядеть манеры людей, которые умственно и духовно так и не доросли до понимания, что такое «обобществление на деле», остановились на самом наивном понятии «единого кармана». Из их-то сладких мечтаний и стали незаметно выходить кислые инструкции наподобие той, в соответствии с которой купленные вами порченный телевизор заменяют только после того, как он пять раз побывает в ремонте.

Бюрократическая утопия — это такой проект лучшего устройства общества, осуществить который надеются бюрократическими способами. Мысли о бюрократизме не случайно самые важные из последних мыслей Ленина, для выражения их им найдены особенно точные и доходчивые слова. Что такое бюрократические способы? Это приказы, циркуляры, инструкции, указания, которые спускаются сверху вниз, от вышестоящих к нижестоящим, из конторы в контору. Это ставка не на интерес, а на послушание. Бюрократические утопии неосуществимы, но по-

пытки осуществления возможны, они редко бывают комичны и безобидны, чаще — мучительны и расточительны.

Раз поставлена утопическая — нереальная, недостижимая, в кабине высиженная — цель, неизбежным будет формализм, показуха при ее выполнении, все будет оглушено, доведено до абсурда, верить в эту цель будут только непроходимые дураки, все же остальные будут ее втайне презирать, к ней присосутся рвачи, болтуны, карьеристы, будут под шумок устраивать свои дела и притеснять все умное, талантливое, честное, — наконец, утопическая задача обязательно будет объявлена досрочно выполненной.

Молодой учитель Лин Чжэнь из рассказа китайского писателя Ван Мэна «Новичок в орготделе» (этот рассказ обошелся автору в двадцать лет «трудового перевоспитания» в деревне), попав на работу в один из пекинских райкомов Китайской компартии, страдает, вплотную столкнувшись с кадровыми партработниками, вчерашними героями и организаторами вооруженной борьбы с японцами и гоминьданом. Он не может понять, почему на мирной работе по строительству новой жизни они оказались циниками, лжецами, демагогами, самодурами, почему «святыми» и «наполненными сокровенным смыслом» словами они оперируют так легко, словно «перебрасывают косточки на счетах», почему они так вяло, формально, недемократично ведут «домашнее хозяйство» партии, несмотря на то, что умеют великолепно объяснить, что это такое. Линь Чжэнь ответа на свой вопрос не находит, но читателю материал для ответа автор дает. Все дело в том, чем вынуждены заниматься вчерашние красные командиры и герои-подпольщики, в осуществлении какой задачи, спущенной сверху, они участвуют. Задача такая: механическим, кампанейским умножением числа членов партии, простым утолщением партийной прослойки на заводах немедленно поднять производство. Спрашивается: может ли человек, если он не дурак, бороться за выполнение этой задачи от души? Что остается тому, кто понимает, что для немедленного увеличения выпуска мешков на мешочной фабрике в пригороде Пекина требуется увеличение не числа партбилетов, а кое-чего более существенного: например, производственных мощностей, материальной заинтересованности рабочих или поставок сырья? Вот дошлый начальник группы партийного строительства Хань Чан-синь в «Отчете о росте партийных рядов на мешочной фабрике», где в первом квартале пятьдесят шестого года принято два человека, и шпарит: «Товарищи Чжу и Фань, вдохновленные присвоением им высокого звания коммуниста, проявили хозяйское отношение к делу и выполнили напряженный план первого квартала соответственно на 107 и 104 процента. Широкие слои актива, сплотившись вокруг партбюро, вдохновленные примером тт. Чжу и Фаня и движимые стремлением быть принятыми в ряды партии, проявили трудовую активность и инициативу, успешно выполнили и перевыполнили производственные задания...»

Утопическая цель всегда пошла, то есть пуста, она порождает бюрократические способы, которые сразу же начинают служить не ей, поскольку такая служба совершенно бессмысленна, а самим себе. Утопический социализм с его пустыми целями — это «великие скачки», «красные книжечки» и заплывы великого кормчего, это преувеличение успехов и замалчивание провалов, это зажим критики и поощрение угодливого словословия, это ежедневное переписывание истории. Борьбаться с парадностью, пустословием, формализмом, к чему сейчас так настойчиво призывает партия, — значит прежде всего бороться за то, чтобы у нас везде и во всем были дельные, жизненные цели, выполнимые программы и посильные задания. На то «сладенькое коммунистическое вранье», от которого бывало «тошнехонько» Ленину, люди часто шли как раз потому, что брались — шумели, что берутся, — за невозможные или преждевременные дела.

Утопии старые, классические отражали тогдашние понятия о лучшей жизни — понятия очень высокие, самые высокие: они связаны с именами крупных и честных мыслителей, одухотворенных любовью к людям и надеждами на неизбежное и бесповоротное торжество добра. Утопии наших «кавалеристов», твердящих зады, повторяющих давно пройденное социалистической мыслью, не подозревающих, что все на этих задах уже не так, как было, что-то выброшено, что-то переделано, переставлено, дост оено, отражают слабые, может быть, самые слабые понятия о лучшей жизни, к тому же такие, которые не раз проверялись на практике, неизменно их посрамлявшей. «Когда-то здесь (на привокзальном базарчике одного китайского города. — А. С.) много было всякой съедобной мелочи, местных деликатесов, — пишет тот же Ван Мэн в рассказе «Весенние голоса». — Ну, там арахис, грецкие орехи, семечки подсолнечника, сушеная хурма, хмельные финики, сладкие бобовые лепешки, батат, папоротник в кунжуте... Все было. А потом фокусник двумя перстами левой руки махнул красной тряпичей — и все пропало, а за деликатесами стали исчезать спички, электрические батарейки, мыло...»

Современные социалисты-утописты — это хмурые изобретатели вечных двигателей в общественной жизни. Они деятельны и упрямы, хотя главную причину известной распространенности утопических настроений надо, наверное, искать не в чьей-то бестолковой мечтательности, а в жизни, хозяйственной и общественной, в бытии миллионов, которое отнюдь не забежало вперед их сознания, — в известных экономических трудностях и неудачах семидесятых годов, анализ которых начат весной 1985 года и продолжен на XXVII съезде КПСС. В ответ на эти трудности и неудачи и оживились утопические мечтания, рассуждательство в восторженно-бюрократическом духе — например, о том, что «у нас» никто ни за что не должен получать от общества больше, чем имеет «человек из народа», и как, внедрением каких параграфов в какие циркуляры этого добиться. В ропот, закономерно поднявшийся против воров, мздоимцев и хапуг, опять вклинились голоса совсем из другой оперы, голоса

людей, заставляющих публику недоумевать, с чего бы это вдруг — в то самое время, когда уравниловка уже, кажется, всеми признана крупнейшим злом и помехой на нашем пути, — с чего бы это вдруг кому-то понадобилось вводить в моду не снимающиеся без посторонней помощи жилеты сенсимонистов и черную чечевичную похлебку, которая, по закону Ликурга, была обязательной основной пищей всех граждан Спарты, — те должны были хлебать ее непременно на глазах друг у друга, за общими столами, так что даже царю, просившему себе позволения в виде высшей награды за одержанную им военную победу один раз пообедать наедине с супругой, было отказано в этой роскоши.

Когда я однажды написал про одну современную утопию, что она, возможно, сочинялась под сильнейшим детским впечатлением от «Города солнца» и других подобных книг, один читатель, экономист по специальности, прислал мне резкое возражение. Если бы наши «кавалеристы», писал он, читали «такую литературу», они бы невольно воспитывались в сознании бесплодности всякого утопического — спартанского ли, сенсимонского, народнического или троцкистского («ударность в труде и равенство в потреблении») — социализма, в их памяти тогда огненными знаками были бы запечатлены многочисленные попытки устройства общих столов, всегда и везде приводящие к одному и тому же: к упадку производительных сил, науки и культуры, хроническим дефицитам при чудовищном расточительстве, к ожесточению нравов и оуплению людей (тут он приводил слова Шиллера: «Ограничен был разум спартанца и бесчувственно было его сердце»), к юродствам, нередко кровавым, всевозможных «великих кормчих», и не стали бы предлагать нам на исходе двадцатого века сбиться в стада потребительских ассоциаций, чтобы заглядывать друг другу в тарелки.

Вместе с тем происходят все более заметные сдвиги в сторону «купцовского» образа мысли. Уже можно прочитать, что многолетние и по самой своей природе бесплодные попытки «усовершенствования объемных, валовых показателей» только доказали, как пишет в «Правде» экономист В. Тарасенко из Усть-Каменогорска, что «оценка эффективности производства проще всего возможна через прибавочный продукт». «Простота» здесь, пожалуй, не то слово, но про прибавочный продукт — по делу, эти слова в разговорах о показателях не встречались в шестидесятых годах. С того же времени не слышно было и слов «товарно-денежные отношения», прозвучавших сначала на известном совещании в ЦК КПСС по проблемам научно-технического прогресса летом 1985 года, а потом и в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду. Был дан прямой ответ на попытки «кавалеристов» настроить общество против стоимостных показателей, опорочить принцип экономической выгоды. Внедрять новое, по-хозяйски расходовать ресурсы, уважать потребителя предприятию должно быть выгодно — эта мысль проходила красной нитью и через доклад, и через большинство выступлений делегатов. В докладе отвечено на предубеждения и опасения «кава-

леристов», на тот их гневно-риторический вопрос, котбрым они до сих пор неизменно встречали любые меры по расширению хозяйственной самостоятельности предприятий и местностей: что, мол, останется от планового руководства, особенно от централизации? Централизация, как видно из доклада, будет не ослаблена, а, наоборот, усилена, но не в мелочах, а в главном — в реализации основных целей экономического стратегии партии, определении темпов и пропорций развития народного хозяйства, его сбалансированности. При сем намного шире будут применяться методы косвенной централизации — в частности, управление посредством нормативов. Это будет делаться вопреки известной «кавалерийской» позиции, «когда в любом изменении хозяйственного механизма усматривают чуть ли не отступление от принципов социализма».

Все чаще производственники, хозяйственные руководители говорят языком лучших ученых шестидесятых годов. Азбуку товарно-денежных отношений: «через цены должен быть реализован основной принцип хозрасчета — самоокупаемость и получение прибыли, необходимой для расширенного воспроизводства и социального прогресса», — формулирует в «Правде» (11 июля 1985 г.) уже упоминавшийся здесь генеральный директор объединения «Станкостроительный завод имени Серго Орджоникидзе» Н. Чикирев. Он при этом недвусмысленно требует, чтобы «автором» цен был рынок; чтобы они устанавливались «в процессе взаимоотношений между поставщиком и потребителем», которые придерживались бы основного рыночного принципа взаимной выгоды.

Поле битвы — умы людей. «Кавалерист» с «купцом» могут сразиться в сознании одного и того же человека, одного и того же ведомства, и усиление накала этой борьбы — тоже примета последнего времени. Комсомольский работник из Липецка рассказывает (в «Комсомольской правде» 20 июля 1984 г.) о том, как в ателье «Трикотаж», идя навстречу юным покупателям, наладили выпуск расписных маек «Леви Штраус», «Суперстар» и пр. «Об идейности рисунков» говорить не приходилось и... «прикрыли мы эту лавочку», — сообщает молодой человек. Лет тридцать назад можно было, насмехаясь над ним, добавить, что сообщает он об этом подвиге, прищипывая коня, как и положено «кавалеристу» в его возрасте, чтобы скакать к следующей лавочке. Но в том-то и дело, в том и примета нынешнего времени, что сейчас наоборот — не прищипывает он коня, а натягивает поводья и задумывается. О чем же? В голову ему приходит потрясающая мысль: «Но рынок-то не прикроешь!» Это огромный шаг в его развитии, это уже слова почти образованного человека; если учесть, что он молодой и деятельный (прикрыть государственную «лавочку» не шутка, напор, видимо, требовался еще тот!), то этот его сдвиг в сторону «купцов» важнее, чем сдвиг иного теоретика.

Этот человек скоро не только сможет или будет вынужден, но и захочет усвоить уроки длительной борьбы «социализма мысли» и «социализма чувства», полем которой были как умы людей, так и хозяйственная жизнь. Привыкший думать, что в самом понятии «рынок»

есть что-то крамольное, не наше, он однажды взглянет на дело проще, прямее и обнаружит, что рынок — это граждане покупатели, население, все мы, советские люди, со своими вкусами, потребностями и возможностями, с предприятиями, где мы стоим у станков, и конторами, где сидим за столами, и бояться рынка, его приговоров и подсказок, подозревать его в нечистых намерениях — это значит проклинать, бояться, подозревать самих себя, нас с вами, советских людей, граждан покупателей. Он поймет, что дать слово рынку — значит укрепить власть потребителя, расширить его права, чтобы он больше участвовал в управлении общественным хозяйством и как собственник кошелька, известной суммы денег, тратить которые он волен по своему усмотрению, поощряя своим вниманием изготовителя одних вещей и наказывая своим пренебрежением изготовителя других, и как работник предприятия, которое тоже входит в число потребителей и наделено теми же правами, что и отдельный покупатель. Проверка рынком — это проверка человеком.

Этот уже начинающий задумываться и потому переходящий с галоп на шаг «кавалерист» поймет наконец, что социалистические «лавочки» — это именно социалистические «лавочки», собственность народная, и обращаться с нею без должного уважения, «по-кавалерийски» ею командовать не только неправомерно, но и вредно, чревато упадком производства, бесхозяйственностью и порчей нравов, что товарно-денежные, коммерческие отношения — это язык, на котором капиталистические предприятия говорят по-своему, по-капиталистически, а социалистические могут и должны говорить по-своему, по-социалистически, в интересах всех и каждого.

«РЕМЕСЛО ПРОВЕРЯЕТСЯ ТОРЖИЩЕМ...»

«Чтобы наш разговор мог состояться, позвольте мне первым делом в немногих словах пересказать Вашу статью и спросить, правильно ли я ее понял, — так начинается один из откликов на помещенную в шестом номере «Знамени» за 1986 год мою статью «Приход и расход». — Итак, «социализмом чувства» Ленин называл старорусское, полубарское, полумужицкое, патриархальное настроение, коим свойственно безотчетное пренебрежение к торговле — к коммерции, к товарно-денежным отношениям. Этим «социализмом чувства» оказались проникнуты многие руководящие и рядовые революционеры. Вы называете их «кавалеристами», вспоминая негативное отношение Ленина к методам кавалерийского наскока при решении задач мирной жизни. «Военный коммунизм» они в отличие от Ленина не считали ни вынужденным, ни ошибочным, а самым естественным делом. Новую экономическую поли-

тику (нэп) Ленину пришлось буквально пробивать через них, но до конца они ее так и не поняли и не приняли и при первом же случае отказались от нее.

«Социализмом мысли» (это выражение я, кстати, встречаю впервые) Вы называете те идеи, которые лежали в основании нэпа: товарно-денежные, коммерческие отношения в народном хозяйстве под осторожным контролем государства, смелое допущение всеохватывающей кооперации и частной трудовой деятельности, поощрение не только хозяйственной, но и общественно-политической самостоятельности населения.

«Социализм мысли», как Вы его излагаете, — это, короче, полноценное товарное хозяйство в условиях общественной собственности и демократии. Идеологов, приверженцев и мучеников этого социализма Вы называете «купцами», обосновывая свой термин ленинским выражением «купцовские способы».

Все это мне в общих чертах было известно. С Вашей помощью я уяснил только одну, но для меня очень важную идею, которой мне как раз и не хватало в моей логической цепи. Вы начертили родословное древо «кавалериста», добравшись до его родителей. Эти родители суть утопический социализм и казарменный коммунизм. То есть народничество и, добавил бы я, поскольку Вы, доверяя моей сообразительности, этого не говорите, — «бесы». Связывать тех, кто привержен административным методам управления хозяйством и обществом, больше не с чем и не с кем. Так я понимаю то, что Вы хотели сказать в своей статье».

И понимает он (школьный историк Л. Т. из Ростова), надо отдать ему должное, правильно, хотя под конец все смазывает довольно странным то ли комплиментом, то ли предостережением:

«Тогда у меня к Вам только один вопрос: кто Вам позволил писать то, чего нет в учебниках по советской истории и политэкономии социализма, составленных в духе соответствующих директивных политико-идеологических документов? (Как известно, так у нас составляются все учебники, включая иногда и учебники по естественным наукам, — вспомните биологию и генетику времен незабвенного Трофима Денисовича Лысенко.)»

Как бы то ни было, это, пожалуй, самый легкий из вопросов, поставленных в письмах читателей, откликнувшихся на «Приход и распад».

Этими вопросами, кстати, специально интересуется Л. Коновалов, харьковский студент-юрист, имеющий опыт хозяйственной работы в студенческих строительных отрядах и собирающийся переходить на экономический факультет.

«Вы рассказываете о борьбе идей — об идейной борьбе, а мы привыкли получать от печати разжеванные объяснения всех вопросов и чтобы были конкретные предложения по каждому пункту жизни. Поэтому Вас засыплют конкретными вопросами о планировании, ценообразовании и прочем, не заметив, что принципиальные ответы на них имеются

в статье. Эти ответы надо выводить более-менее самостоятельно, а к этому мы не приучены. В своей практике дискуссий в общежитии я сталкиваюсь с таким явлением постоянно. Сколько бы ни рассказывал лектор о ценообразовании при товарно-денежных отношениях, которое исключало бы теперешние крупнейшие дотации, в конце кто-нибудь обязательно спросит: «А сколько, по-Вашему, должна стоить буханка обдирного хлеба?»

Сколько бы Вы ни объясняли про разницу между зарплатой, которую сейчас, если разобраться, неизвестно кто и как устанавливает, и заработком, который являлся бы причитающейся человеку частью валового дохода трудового коллектива,— в конце кто-нибудь обязательно скажет: «Так тогда же скотник в богатом колхозе будет получать в пять раз больше, чем рабочий на конвейере,— и кто тогда захочет собирать машины?» У нас каждый рассуждает, как глава государства, вернее, как диктатор, который должен всем все приказывать, все за всех предусматривать и решать. Попробуйте объяснить, что вопрос о доходах скотника и сборщика должен решаться не кем-то со стороны, а ими самими, что они, скотник и сборщик, нуждаясь в труде друг друга, всегда договорятся друг с другом ко взаимной выгоде, и единственное, что тут требуется,— соответствующий хозяйственный и общественный механизм!»

Заканчивает студент свое письмо по-юношески уныло:

«Вас не поймут в главном. Вы говорите, что надо пересесть с телеги на самолет и как это сделать. С Вами будут соглашаться, потом скажут: позвольте, но ведь самолет не пойдет по шоссе, телеграфные столбы побивает. Мы всей душой за самолет, но представить себе, что он будет летать, а не тарыхтеть по мостовой, нам трудно. Мы думаем не о том, как сопрягать самолет с воздухом, а о том, как — с мостовой. Так я оцениваю все принятые до сих пор меры по «совершенствованию хозяйственного механизма». Вопросы, которые Вы получите на свою статью, покажут Вам одну из основных причин этого. А причина кроется в исключительно низком уровне экономического мышления в стране».

Автор прилагал перечень вопросов, которые, по его мнению, последуют от людей, не умеющих даже мысленно сопрягать летательные аппараты с воздухом: «Почему растут цены? Почему увеличиваются штаты? Почему плохо внедряется новая техника? Почему существует уравниловка в зарплате? Почему не сокращаются дефициты? Если человек, прочитавший Вашу статью, задаст Вам хотя бы один из этих вопросов, значит, он ничего в ней не понял и не готов к перестройке».

Вопросы, которые предвидел Л. Коновалов, вскоре действительно были заданы, причем в одном письме и почти теми же словами. Писал В. Четкарев, газетный работник из Ленинграда:

«Вот Вам ряд вопросов, на которые Вы не знаете ответа: 1. Что такое соревнование? 2. Что значит — хорошо работать? 3. С чем связана чехарда в зарплате между работниками одной профессии и квалифика-

ции? 4. Почему возник застой во внедрении? 5. Почему тарифная система перестала регулировать уровень жизни? 6. Почему у нас падает качество? 7. Почему растет взяточничество? 8. Почему у предприятий возникают срывы обязательств по поставкам? 9. Почему разбухают штаты — рабочих и управленцев? 10. Почему хозрасчет — это «уступка капитализму»? 11. Почему растут цены?»

В письме был еще один, непронумерованный вопрос: «Скажите, Вам не становится тревожно оттого, что экономика у нас вообще наука гуманитарная?» — вопрос, ответить на который можно было бы кратко (экономика — наука гуманитарная не только у нас, а везде и всюду, и тревожиться по сему поводу — то же самое, что и по поводу того, что математика — наука точная...), если бы автор не считал одинаково бездоказательными доводы как «купцов», так и «кавалеристов» и не был бы трогательно искренен в своем раздражении: «Лично мне делается страшно в этой кутерьме произвольных положений, которые, как и у чтимого Вами проф. Новожилова, не идут дальше «публицистики высокой пробы».

Этот автор (явно, впрочем, не читавший труды Новожилова, которые полны математики, — профессор и Ленинской премии был удостоен за экономико-математические разработки) удачно выражает настроения и представления, которые характерны сегодня для многих молодых инженеров и научных работников технических специальностей. Это у них своеобразный шик — мазать одним миром всех, кто говорит о хозяйственных проблемах на языке экономики, а значит, не столько вычисляет, сколько думает, — и думает в первую очередь об отношениях людей. Экономика потому и гуманитарная, то есть человековедческая, наука, что занимается общественными отношениями. Для нее, к примеру, стоимость вещи, выраженная в цене, — это не цифра на бирке, а момент отношений, товарно-денежных отношений людей. Харьковский студент потому так и расстраивается, когда в общении его спрашивают, сколько должна стоить буханка обдирного, что тут дело не в чем-то мнении и указании, а в том, как сложатся деловые — товарно-денежные — отношения между производителями и потребителями хлеба, а как они сложатся, заранее никто не может знать; сначала нужно посмотреть, как они сложатся, а потом уже решать, вмешиваться ли в них, как вмешиваться и для чего вмешиваться.

«Товарникам» потому так и претит слишком жесткий и произвольный контроль над ценами, что это контроль над отношениями, над людьми, что бюрократия, безраздельно и безответственно властвуя над ценами, тем самым властвует над людьми, сковывает жизнь. И потому же — и не по чему другому! — отстаивают такой контроль «нетоварники». Потому он так и ожесточен, спор «кавалеристов» и «купцов», что это не просто спор, а борьба, и борьба взглядов не просто на планирова-

ние и ценообразование, а на человека, на общество, на социализм, на смысл жизни,— самая настоящая идеологическая борьба, то и дело то здесь, то там переходящая в политическую.

Некоторым же «технарям», особенно молодым, кажется, что вести этот спор на экономическом языке — занятие устарелое и бессмысленное, что его можно в два счета решать методами точных наук. Их подход исключительно кибернетический, из всех теорий они признают только теорию управления и регулирования, с точки зрения которой машина, человек и государство подчиняются общим законам. Как пишет занимающийся лазерами молодой инженер В. Н. из Подмоскovie, «у всех трех есть: а) датчики (у человека это органы чувств, у государства — его граждане), б) рабочие органы (у человека — руки, ноги, язык, у государства — предприятия и организации), в) управляющее устройство (у человека — мозг, у государства — аппарат). Необходимое условие правильной работы машины, здоровья человека и государства — правильное функционирование всех трех составляющих. Сбой любого из них ведет к нарушению работы целого. Допустим, Вы работаете или отдыхаете на морозе. Ваши органы чувств вовремя сигнализируют о переохлаждении какого-либо пальца, мозг тут же принимает решение усиленно им подвигать, мышцы немедленно выполняют это решение, и палец разогревается. Если хоть один из участков этой операции выполнит свою задачу неправильно или с о п о з д а н и е м — палец будет отморожен. Совершенно то же самое происходит в государстве...».

Один из читателей статьи «Приход и расход» обратил внимание на попытки некоторых авторов изображать «товарников» и «нетоварников» не только как две равноправные, но и равноценные школы, а их отношения — как товарищеский обмен разными мнениями, как спор, доставляющий обеим сторонам одинаковое удовольствие. Это не были споры друзей. Равноценными эти школы сами себя не считали, и каждая была права. «Нетоварники» прозрачно намекали, что «товарники» — это агенты буржуазии, ничего не доказывали, а только ругались: вы, мол, неправильно веруете в социализм, и угрожали: смотрите, плохо вам будет. Этот метод сыграл огромную, еще никем не описанную роль в свертывании хозяйственной реформы шестидесятых годов. Они не подозревали, что дело обстоит еще хуже: «товарник» на веру не принимает ничего, он только исследует. В свою очередь, «товарники» показывали, что «кавалеристы», при всех их профессорских и академических званиях, — это не люди науки, что их взгляды основаны не на разуме, не на опыте, не на изучении действительности, а на вере в «административный социализм», как в библию или коран. Вспомнивший о «примиренцах» читатель считает, что пора добавить: «Эти взгляды основаны не только на вере (часто там нет никакой веры), а на самом банальном матинтересе».

Действительно, соображения «кавалеристов» такие грубые, а предложения подчас такие страшные (один из них пишет прямо, что борьба за «социалистическое экономическое сознание» должна вестись «со всеми последствиями и издержками, присущими всякой борьбе». Лес рубят — щепки летят...), что одно это нам показывает: дело не в тех или иных особенностях или изъянах мышления, образования, жизненного опыта.

Так упорствовать в отрицании самых азов хозяйствования, так настойчиво призывать к «издержкам, присущим всякой борьбе», можно только в том случае, когда на карту поставлены интересы. В данном случае — интересы бюрократии. Инженер М. Кузовков из Москвы выделяет то место в статье, где говорится, что при фондированном снабжении, или, как писал академик Немчинов, «карточном рациировании» средств производства, «анархия товарного хозяйства сменяется анархией нетоварного, только в первом случае она принимает форму всеобщего избытка, а во втором — всеобщего недостатка». Недостаток же выгоден тем, кто имеет доступ... Так что «за самыми высокими и благородными словами в защиту административного социализма стоит самое обыкновенное желание материального обогащения. Это всегда так. Когда хотят обмануть государство, говорят о высоких принципах».

Это упускают из виду «технари». Они не замечают, что взаимодействуют, сталкиваются не датчики, рабочие органы и что там еще, не просто мнения (В. Четкарев приводит ряд синонимов этого слова: «суждение, соображение, позиция, взгляд...» — и, обращая внимание на то, что все они присутствуют в статье «Приход и расход», замечает: «В общем, царство теней и неопределенностей...»), а именно интересы. «Технарь» не видит этого, у него, естественно, не возникает желания принять ту или другую сторону, связать себя с бюрократией или демократией, с тем или другим интересом, он вызывающе ставит на одну доску Новожилова и его противников.

Между тем перед нами не только разные мнения и доказательства, а разное качество доказательств.

В середине двадцатых годов был принят ряд недостаточно взвешенных экономических решений, особенно в ценообразовании. В результате возникло такое явление, как дефицит. Всего стало не хватать. За всем (точнее, за всем действительно нужным и стоящим) выстроились очереди и не рассосались по сей день. Первым и тогда едва ли не единственным человеком, который сразу же, еще в 1926 году, объяснил, отчего это произошло и что надо делать, чтобы страна не губила миллиарды человеко-часов в очередях, чтобы люди не тратили человеческий облик в борьбе за дефицит, не видели в нем смысл своей жизни, был молодой ученый-экономист В. Новожилов — впоследствии тот самый профессор, в чьих научных положениях его земляк до сих пор не обнару-

жил ничего, кроме «публицистики». В его статье «Недостаток товаров», признанной сегодня классической, изложены идеи, которые спустя годы были положены в основу экономических реформ в Венгрии, Болгарии, Китае. С ценами и деньгами, показывал автор, надо обращаться по их законам, а первейший из этих законов — закон стоимости. Несмотря на то, что годом раньше (1925) на собрании в Институте красной профессуры было решено его отменить, этот закон существует — и ни в зуб ногой, а одним из условий, при котором этот неподвластный людям закон действует созидательно, является **ц е н а р а в н о в е с и я** — равновесия между спросом и предложением.

Отвечая на любое относящееся к недостаткам в экономике «почему?», «нетоварники» десятилетие за десятилетием говорят одно и то же: потому, во-первых, что существуют пережитки проклятого прошлого в сознании населения, и потому, во-вторых, что руководящие кадры перестали чувствовать высокую ответственность за порученное дело, мало думают об интересах государства, а это с ними происходит потому, что другие, более высокие кадры, ослабили требовательность к ним. В одной своей статье, перечислив все основные беды современного народного хозяйства, доктор экономических наук П. Игнатовский объяснял их так: «Хотя ведущую роль в нашей экономике занимают отношения, основанные на совместном планомерном присвоении, распоряжении, потреблении, привычки старого еще дают на сознание части производителей. Это мешает. Отсюда трудности — живучесть старых взглядов на труд, стремление обойти общественный интерес, урвать побольше, уклониться от контроля и ответственности перед обществом».

Равноценны ли эти объяснения объяснениям Новожилова, который писал не о пережитках старого, а о пороках нового — о несогласованности хозрасчета с планом, о смещении результата с затратами, о планировании, которое «воздействует на миллионы людей, побуждая их считать расход приходом, а понижение качества продукции — полезным результатом?»

П. Игнатовский предлагает: «...прежде всего нужны люди, которые стремились бы оправдать доверие партии и народа, действительно были бы политиками социалистического хозяйствования... Нужны не столько новые принципы управления производством, сколько люди, способные их осуществлять в новых условиях, с большей энергией, незыблемой последовательностью, прогрессивными знаниями и опытом...»

Равноценны ли эти предложения предложениям Новожилова, положения о «демократизации плановой экономики», о введении таких порядков, при которых наилучшее выполнение плана совпадало бы с личными интересами всех исполнителей?

Среди особенно болезненных «привычек старого» на первом месте, конечно, взяточничество и воровство всякого рода. «Плохо борем-

ся!» — говорит обычно «кавалерист», объясняя живучесть этих привычек. Редко и поверхностно проверяем должностных лиц, не присматриваемся, кто как живет, не спрашиваем, откуда что у них берется, мало или мягко судим провинившихся, попустительствуем большим и малым «несунам», слабо ведем профилактическую, то есть воспитательную, работу. «Кавалериста» не смущает, что эти разговоры ведутся из года в год, из десятилетия в десятилетие, что время от времени от слов переходят к делу — и тогда многие лишаются должностей, рабочих мест, свободы, а то и голов, а потом все возвращается на круги своя, словно (почему, впрочем, «словно»?) срабатывает некий закон, согласно которому пресечение, принуждение, наказание по самой своей природе не могут действовать с постоянной силой достаточно длительное время: одни устают нагонять страх, другие к нему привыкают, и, глядишь, то здесь, то там расходятся скрепы, появляются щелки, еще чуть-чуть — и разверзлось, и поволокли через прораны что кому сподручнее, пошли вершить «блатные» дела, очковитительство, местничество, ведомственность, и вот уже опять кто-то, забывший, что все уже было, требует «завинчивать гайки»), убеждая сам себя, как тот же П. Игнатовский: «Меры политические, административные, даже самые жесткие, действуют в виде единичного акта, но не в этом их основное назначение. Важно, что они формируют политическую атмосферу, при которой наступают изменения в сознании, становится невозможным пренебрежение общественным делом, общественными интересами...»

Некоторые читатели упрекают «Приход и расход» за напористое разжевывание азов товарно-денежного мышления и преимуществ продналога перед продразверсткой. «Всем сегодня ясно, что «социализм чувства» себя изжил и будущее за «социализмом мысли». Доказывать это — значит ломиться в открытую дверь. Приводить примеры с чечевичной похлебкой из глубокой древности, чтобы высмеять сегодняшних приверженцев казарменного коммунизма, — значит не уважать читателя, подозревая его в примитивности понятий, чувств и желаний», — пишет один. Сам этот упрек по-своему свидетельствует, как уже далеко мы продвинулись в сторону товарного образа мыслей. К сожалению, эти авторы меряют всех на свой аршин. То, что ясно им, другие еще и не начинали проходить. Преувеличивать подкованность и понятливость публики вреднее, чем приуменьшать; лучше уж пусть кто-то зевнет, слушая знакомое, чем замолчать как раз тогда, когда многие только пригодились слушать.

«Если человек работает, как сейчас, получая больше, чем позволяет итог его труда, то есть приворочивает, то экономическими мерами с ним не справиться. Его только лагеря или высылка в Сибирь могли бы сделать полезным нашему строю и обществу. То есть: административные факторы!!!»

Можно ли считать законченной проповедь идей продналога, когда смотришь на эти три восклицательных знака и замечаешь отсутствие подписи в конце, создающее впечатление явственного и все еще слаженного многоголосия?

«Если не истреблять столько полезных ископаемых в трудных климатических условиях, а лучше использовать вторсырье, то благосостояние повысится без ничего: без всякой экономики от лукавого и без компьютеров, от которых так и жди шпионажа да случаев, как в Чернобыле».

Тоже — без подписи. Там — нет понимания того, что охота пуще неволи, здесь — что бережное расходование полезных ископаемых иначе называется интенсивным развитием хозяйства, а поставить страну на этот путь приказом невозможно, нужно нечто сложное и тонкое, именно от лукавого — «порядки, при которых процветал бы труженик, будь то рабочий или коллектив, и прозябал лодырь».

Л. И. Котов хочет восполнить «недостаток историчности рассмотрения вопросов экономики» в статье «Приход и расход». Из истории введения нэпа, пишет он, «умный человек возьмет только сам метод исправления допущенной ошибки. Если та или иная политика показала на практике свою непригодность в данное время и в данном месте, надо ее исправлять введением в новых условиях проверенного старого, а затем подправлять это старое известными приемами. Нэп ведь был нов по отношению к «военному коммунизму», но мало отличался от того, что было в других странах, где фермер, крестьянин свободно продавал свои продукты, выплачивая налоги государству. Только в России эти отношения ужесточались отсталостью сельского хозяйства, промышленности, транспорта, общей разрухой. Поэтому товарные отношения корректировались обстоятельствами, прямо скажем, нетоварного порядка. В России всегда был распространен не принцип свободного производства и торговли, а принцип широкого протекционизма, отягощенного рабским трудом крепостного рабочего и крестьянина... В наше время протекционизм тоже действует как в промышленности, так и в сельском хозяйстве и в торговле: государство вмешивается, регулируя цены, капитальные вложения, устанавливая планы производства и каналы сбыта. Но так как до сих пор существует индивидуальное натуральное хозяйство, учет всех затрат и доходов крайне затруднен, а существующие помимо государственной торговли «базарные» товарные отношения сводят этот учет к нулю. Поэтому наш приход и расход по всему народному хозяйству до сих пор не может быть поставлен под контроль строго математического учета, что способствует массовым нетрудовым доходам за счет продажи продуктов труда на свободном рынке без учета и налогообложения. Эти базарные отношения — отдушина для туесядства и расхищения на производстве».

Таких писем немало. Начинаешь читать — все вроде интересно, по делу, но где-нибудь в середине или в конце вдруг натыкаешься на что-то такое, из чего видно: перед тобою опять реформатор из теоретиков, имеющий о действительной жизни самое смутное представление, но готовый немедленно взяться за ее исправление. «Мы предлагаем, — пишет т. Котов, — чистое товарное хозяйство без протекционизма и «базарного» хозяйства. Все отрасли народного хозяйства сверх своих затрат должны получать фиксированную прибыль, а частный производитель и колхозник — сбывать свои излишки только через контролируемую государственную и кооперативную торговлю без получения сверхприбыли».

Далось им это несчастное ЛПХ, это личное подсобное хозяйство. Уже и на товарно-денежные отношения (притом «чистые») согласны, а оно все еще мешает, все еще!.. Не совсем только понятно, в чем тут должен состоять возврат к «старому, проверенному». К рубежу, что ли, сороковых — пятидесяти годов, когда непосильным налогом облагалась каждая яблоня на подворье колхозника и по стране шла массовая вырубка садов? Так тогда не было главного — «чистого» товарного хозяйства. У т. Котова все новое: отношения пусть будут товарно-денежными, а базары все же прикрыть, чтобы не дразнили запахами восьмирублевого моченого чеснока, не надрывали с п р а в е д л и в о е сердце старого «кавалериста»...

Интересны письма людей, которые мучаются оттого, что предлагаемое «товарниками» будущее не обещает быть безоблачным. Это, так сказать, метафизики. Им подавай такое новое, которое не было бы чревато никакими изъянами, не обещало никаких сложностей, проблем, ничего непредсказуемого. (Именно жупелом непредсказуемости побивают новаторов и бюрократы — всегда и везде.) Признавая существование двух сторон медали, упорно ищут непротиворечивое третье, что-то, в чем были бы одни плюсы. Некто из этих искателей пишет:

«Я понимаю ваш «социализм мысли», очень хорошо понимаю. Он поднимет производство, улучшит качество, устранил дефициты — будет у нас, короче, все, а все, в представлении обывателя, — это изобилие хорошего товара и услуг. Но человек — наш человек, лично я и близкие мне по духу мои друзья — мы хотим большего, совсем другого, если честно. Дружбы, братства людей, бескорыстных, принципиальных отношений между администрацией и работником, между гражданами и властью, обществом и государством. Прибавит ли этого «социализм мысли», то есть ясные, открытые торговые отношения? Из самих слов «торговые отношения» видно, что не прибавит. А вот неравенства — прибавит. Богатые, всякие «удачники» будут более открыто себя показывать, потому что их богатство будет законно приобретенным в ходе торговых отношений. В стране установится потогонная система жизни, потогонное настроение, всякий будет из кожи лезть, чтобы больше заработать,

будет завидовать «удачникам» и мучительно мечтать о своем взлете, будет хватать вторую и третью работу, будет загонять себя и свою семью разрешенной теперь индивидуальной трудовой деятельностью. Богатый будет сиживать в ресторанах, отражаясь в зеркальных стенах. Это мы знаем, это все уже было, даже и при Советской власти».

Человек не хочет ни продолжения «продразверстки», ни перехода к «продналогу», ему трудно смириться с тем, что выбирать приходится не между плохим и отличным, а между плохим и хорошим, даже в чем-то средним, что заметное неравенство в доходах (на сей раз трудовых) — цена, которую страна должна будет заплатить за ускорение своего развития, а иначе нечего будет делить. Да и не так уж он прав и в том, что «продналог» не обещает существенной очистки нравов. Новожилы и другие «товарники» давно показали, как от административных методов управления возникают известные нам общественные язвы. Не будет невыполнимых заданий — не будет и очковтирательства, формализма, апатии. Не будет очередей, в которых сейчас толкаются и заводы, и граждане, — больше станет учтивости, доброжелательства, достоинства.

Эту группу откликов венчает письмо из Брянки Ворошиловградской области. Адрес указан полный, подпись — неразборчива, то ли Яровой, то ли Яловой. Из его письма вытекает вопрос огромной важности. Это вопрос об исторической роли «кавалеристов»: за что они заслуживают, если заслуживают, доброго слова. Это вопрос о том, как оценивать результаты последних пятидесяти пяти лет «труда и борьбы» и на чей счет их отнести.

Результаты т. Яровой оценивает очень высоко, тут с ним спора быть не может, хотя он и обвиняет автора статьи «Приход и расход» в принижении усилий по строительству новой жизни: «Представлять все эти усилия, зачастую героические, как сплошной оглушительный провал — это слишком большая ложь, это непорядочность, это не знающее чести приспособленчество».

Как он объясняет эти результаты?

«Успехи, достигнутые в экономике в предвоенные годы и сыгравшие свою историческую роль в Великой Отечественной войне, объясняются тем, что, как точно и проникательно подметил И. Стаднюк, «народ пребывал в состоянии духовного и гражданского обновления». Небывалый подъем энтузиазма, непоколебимая вера людей в избранный путь, беспредельное доверие к своим руководителям — вот та питательная почва, которая родила экономическое чудо, или же «русское чудо»... Стахановское движение родилось не от страха перед обвинением во вредительстве, так же как и амбразуры закрывали своими телами не по приказу «кавалеристов».

Период тридцатых — шестидесятых годов т. Яровой называет «эпохой «социализма чувства», подчеркивая, что своим величием она обязана «кавалеристам», сумевшим воодушевить и организовать народ. Нынешние дни, по его периодизации, знаменуют собой начало «эпохи «социализма мысли», а примерно пятнадцать лет между «социализмом чувства» и «социализмом мысли» — промежуточная эпоха, которую автор письма предлагает назвать «золотым веком приспособленцев, шкурников, перерожденцев» или же «эпохой короедов социализма». А если воспользоваться поэтическим осмыслением этой эпохи Р. Рождественским (Правда, 1986, 12 мая), то можно поставить вопрос и более остро: «Эпоха безнаказанно стрелявших в Ленина».

В том, как читатель из Брянки описывает эту эпоху, много точного знания, боли, страсти.

«То, что сказано было на XXVII съезде, должно было прозвучать на XXV. В век стремительного развития жизни потерять столько времени — история нам этого не простит, как правильно сказал на съезде т. Манякин С. И. Наверстать это время будет ох как трудно. За это время при всех приобретениях так много потеряно. И самая большая потеря — духовное и гражданское оскудение. В сознании кадров произошел какой-то нездоровый сдвиг, первоначальные побудительные истоки которого труднообъяснимы. Равнодушие и апатия к разгулу разнузданной бесхозяйственности, потеря ответственности и вера во вседозволенность, прямое перерождение. Все большее торжество ни с чем не считающегося шкурного, узкогруппового интереса, идущего во имя этого на такие штучки, за которые в свое время ставили к стенке».

Как видим, даже у такого незаурядного человека, как автор этого письма, вызывает тяжелое недоумение тот самый «нездоровый сдвиг», который был давным-давно и предсказан, и объяснен «купцами» в науке и политике.

«Вырастить целую армию безынициативных, зараженных иждивенчеством и бюрократизмом, бездумных расточителей, действующих без оглядки на век грядущий, — такое невеселое наследство досталось новому руководству. Пустивший глубокие корни бюрократизм, пораженный коррупцией, стяжательством, казнокрадством, поляризовал вокруг себя, как магнит, все подлое, низменное, ущербное. Все порядочное, граждански обеспокоенное, непримиримое к такому развитию событий было в глухой изоляции, в окружении недоброжелательства и враждебности».

В связи с этим он рассказывает об одной поразившей его картине художника, чье имя ему не запомнилось.

«На картине изображена приемная, где в ожидании вызова сидят два человека. Гражданин и Бюрократ. Посмотрите на это бездумное, сытое свинячье рыло — в нем воплощение целой эпохи, воплощение всех

наших бед. Почему этот холеный чиновник так спокоен и самоуверен? Конечно же, потому, что он во всеоружии бумажек, но, может быть, и потому, что за дверью его ожидает доброжелательный единомышленник. Олицетворять эту утробу с представителем «социализма чувства» — это кошунство, глумление над светлой памятью всех утопистов-идеалистов, так как эта заплывшая жиром морда не способна ни на какие чувства, кроме одного — звереть, когда замахиваются на ее свинячье благополучие...

А что же выражает лицо Гражданина? К сожалению, мы его не видим, но хорошо понимаем, как ему трудно, сколько забот и тревог отложилось на этом лице. Мы видим только тронутую сединой голову и фигуру, выражающую отчаяние, мятущуюся неуверенность в благополучном исходе этого приема. Прямо скажем, в невеселом положении был Гражданин многие годы. Был ли это «гражданин мысли» или «гражданин чувства» — в одинаковой мере несладко ему жилось, если он настоящий Гражданин.

С «социализмом мысли» у т. Ярового отношения сложные, мучительные и, кажется, еще не окончательные.

С одной стороны, он признает, что «социализм чувства» себя исчерпал и будущее за «социализмом мысли». Доказывать это — значит ломиться в открытую дверь... Что лучше, «чувства» или «мысли», — здесь нет проблемы. Проблема в другом: чтобы «социализм мысли» не испоганили «наши бюрократы и наши дураки» (это он цитирует стихи Р. Рождественского. — А. С.), равно как и рвачи, приспособленцы, демагоги... «Гражданин купец» — вот желательное словосочетание. Тогда можно надеяться, что эта формула станет формулой успеха. Да плюс к этому творчество масс — совсем будет хорошо».

С другой стороны, «товаришки» с их «социализмом мысли» вызывают у него ревность, недоверие и тревогу. Ему не нравится, что они нагнетают неприязнь к «кавалеристам», отрицают способность «социализма чувства» на что-нибудь путное, «тужатся доказать его нетворческую природу ссылками на теоретические построения социалистов-утопистов», на целые этапы нашей жизни смотрят, как на «беспросветные сумерки во власти мрачных несостоятельных «всадников», не может согласиться, что «социализм чувства» развивался совсем без мысли, считает, что крах «кавалеризма» вообще нельзя расценивать как поражение «продразверсточных» методов хозяйственного строительства. Дело, мол, совсем в другом: «Пока кавалерист» был гражданином, он имел кредит доверия в народе, и все шло как следует. А когда гражданина вытеснило безответственное свинячье рыло, мы получили застой, расточительство и дефицит». В сущности, даже и не в «рыле» дело, а в том, что «такой нематериальный фактор ускорения, как духовное и гражданское обновление, на сегодня себя исчерпал. Вернее, он исчерпал себя давно».

Автор не скрывает своей тревоги и сарказма: «Как оно обернется с «купцом», — еще неизвестно... Искать ответ на вызов времени мы обязаны все. Одних, даже стройных теоретических построений явно мало — во всяком случае, для нашего общественного устройства. «Короеды» неплохо поработали и многое обесценили из того, что нужно было беречь как зеницу ока. Таким образом, чтобы окончательно развенчать и разоружить «социализм чувства», т. Стреляному вкупе с Жимериным, как представителям «социализма мысли», остается решить пустячную задачу: воодушевить всю нацию, убедить ее принять умом и сердцем «купцовское» слово, добровольно и с радостью окунуться в купель духовного и гражданского обновления на «купцовский» манер, и когда это случится, все мы воскликнем: да здравствует Жимерин и его апологет т. Стреляный!..»

Сложные, мучительные отношения!.. О сложности и мучительности их, может быть, лучше всего говорит то, как действует на т. Ярового упомянутое в статье «Приход и расход» имя Жимерина. Для него этот Жимерин не что иное, как «социализм мысли» в стане «социализма чувства», «купец» среди «кавалеристов» в их лучшие времена. Неприязнь к нему (шагал не в ногу!), оказывается, трудно сдержать даже сегодня, когда приходится признавать, что будущее за ним, что только он способен распутать клубок нынешних противоречий, вывести нас из того не только тяжелого, опасного, но и унижительного положения, при котором наше богатство оборачивается бедностью, сила — слабостью. Даже и при этом «кавалерийскому» сознанию Жимерин чужд и неприятен едва ли не так же, как «свинячье рыло»!..

Инженер М. Кузовков, чье письмо здесь уже приводилось, заметил точно: «Большинство наших «кавалерийских» защитников «социализма чувства» отличаются прежде всего слабостью мысли, если не сказать, слабостью ума. Отсюда и перекосы в экономике, постоянные дефициты, замедление развития».

Душа кристальная, а мысль такая нетвердая, что в продолжение каких-то двух страниц не может удержать неизменным сам предмет спора: вдруг оказывается, что «социализм чувства» — это уже не патриархальное полубарское, полумужицкое безотчетное пренебрежение к торговле, которое имел в виду Ленин, а нечто совсем другое — романтическая преданность общему интересу, революционное молодечество... Душа кровоточит, а неопытность мысли такая, что с весомого, грубого, зримого д е л а — с приключений закона стоймости, однажды отмененного дружным поднятием «кавалерийских» сабель и до сих пор не восстановленного, речь почти сразу соскальзывает на то, что «всадники» были очень хорошими людьми, имели кредит доверия. Хорошими-то были, кредит имели, а дефицит-то, на котором как раз и стали расти «свинячьи рыла», изобрели они! И планы производства, которым как бы

даже положено не подкрепляться планами снабжения и, следовательно, постоянно рождать черный рынок средств производства и предметов потребления, должностей и наград,— тоже их находка, «кавалерийская», не «свиньячья». И что нам с того, что эти очень хорошие люди, пользуясь кредитом доверия, горели на работе по доставанию недостающего, по выполнению невыполнимого, по пресечению непресекаемого — как та машина «Скорой помощи» у Твардовского, которая «сама рубит, сама режет, сама помощь подаст»!..

Впрочем, в этой слабости антижимеринской мысли есть и некий, может быть, неосознанный расчет. Ведь ею допускается только одна постановка вопроса: все достигнутое в «эпоху обновления» было достигнуто благодаря «социализму чувства». Признать наши достижения — значит воздать должное этому «социализму», больше ведь нечему, рассуждает т. Яровой. Не потому ли ему так важно договориться с нами насчет достижений, не потому ли он так надрывно предупреждает нас: иначе будет «слишком большая ложь... непорядочность... не знающее чести приспособленчество»? Не потому ли «кавалеристы» вообще всегда такие бдительные, такие непримиримые к каждому, кто, по их мнению, недостаточно сильно бьет в литавры? Им мало того, что они сами себе рокоуют славу. В глубине души они не обманываются, в грохоте оваций они хорошо различают затаенно-презрительное молчание тех рядов, где сидит основательная, «по-купцовски» настроенная часть публики. Оттуда они больше всего ждут признания, из этих рядов, — и напрасно. Поднимается некто внушительный и в наступившей тишине спокойно говорит: «Все успехи мы видим и признаем, но знаем: достигнуты они не благодаря «социализму чувства», а вопреки ему. В постоянной, трудной, временами трагично неудачной борьбе с ним... Начал эту борьбу Ленин, продолжал Дзержинский — самый крупный после него представитель «социализма мысли» в нашей стране, за Дзержинским шли Жимерины с Новожиловыми, за ними идут их ученики и единомышленники».

Вот так. Не благодаря, а вопреки.

В сущности, «кавалеристу» сейчас не так много и надо. Чтобы было сказано: перед «социализмом чувства» стояли великие задачи, он их успешно выполнил и может с достоинством уходить в историю. Не получится... Не получается, не может быть это сказано, не соответствует это действительности, не может соответствовать! Об отдельном человеке, если он не злодействовал, а заблуждался, сказать, что он не зря прожил, можно. О поколении — тоже. Но об идеях, о началах, если они порочны, о той же «продразверстке», губившей «продналог», так сказать нельзя — не позволяют ни логика, ни факты. Не могут быть удачными решения без научной подоплеки, то есть произвольные, без учета законов жизни,— всякое такое решение будет насилием над природой вещей и над человеком.

Изобретенное «кавалеристами» планирование «от достигнутого уровня» есть наиболее противоестественное и вредоносное из всех мыслимых и немыслимых механических дел, которым когда-либо предавался, предается и будет предаваться общественный человек. Оно принципиально не допускает перемен в характере и структуре производства и тем самым обрекает на застой хозяйственную жизнь. Оно делает невозможной глубокую зональную специализацию в сельском хозяйстве, поэтому там, где лучше всего пасти (и веками пасли) скот, десятилетие за десятилетием сеют пшеницу, и наоборот. Оно делает невозможными своевременные структурные сдвиги в промышленности, поэтому с величайшим трудом появляются новые отрасли и производства, с душераздирающим скрипом идет научно-техническая эволюция, не говоря уже о революции. Оно, это названное «кавалеристами» истинно социалистическим планирование, делает ненужными творческих и деятельных людей в сфере управления, проектирования и конструирования, поэтому на ключевых постах там всегда так много пустоцветов и сорняков. Все, что совершалось и совершается путного в народном хозяйстве, могло и может совершаться только в порядке большого или малого, скрытого или явного, более или менее запоздалого отступления от буквы и духа этого планирования.

Изобретенное «кавалеристами» затратное ценообразование делает допустимыми, оправданными и неизбежными любые затраты сырья, топлива и труда на изготовление всего и вся, поэтому у нас самые тяжелые в мире тракторы и комбайны, самая тяжелая в мире металлическая стружка, самые пустые удобрения, самые черные и высокие дымы, самые широкие и глубокие карьеры, самые плохие дороги и склады...

Это планирование с этим ценообразованием нанесли народному хозяйству и народной душе неизмеримо больше ущерба, чем все «свинячьи рыла», вместе взятые, за всю тысячелетнюю российскую историю; в них, в этом «кавалерийском» планировании и этом «кавалерийском» ценообразовании, не было, нет и быть не может ничего положительного, и чем лучше осуществляющий это планирование и это ценообразование «кавалерист», чем тверже убежден он в своей вере, чем он идейнее, тем хуже для общего дела, тем больше бед способен натворить такой «кристальный» гражданин. Это ведь не деляга и не шалопай, который может на что-то закрыть глаза, свернуть какую-нибудь ревизию, то тут, то там, то так, то этак уступить напору жизни. Кто упразднил ту же промысловую кооперацию? Кто отрубил этот последний «хвостик нэпа»? Может быть, «свинячьи рыла»?

«Кавалерист» имел известный кредит доверия не тогда, когда он был гражданином, а до тех пор, пока не выявилась бесплодность его идей и разрушительность его политики, его продрозверстки, выявилось же это все очень быстро, меньше чем за три года, — к концу двадцатого

уже все было ясно. С того времени «кавалерист» уже ничего не мог получить ни в кредит, ни в уплату за услуги, а должен был брать самовольно, самозахватом, сделался самозванцем — зловещая судьба, которую предсказывал ему Ленин. Уже готовый уйти, этот самозванец заклинает «говорить не об антагонизме, а о преемственности», как будто нэп не был новой экономической политикой, не отрицал «военного коммунизма», а продолжал его в других условиях, как будто не было «коренной перемены всей точки зрения нашей на социализм» (Ленин).

И планирование «от достигнутого», и затратное ценообразование, и фондируемое снабжение, и продрозверсточные заготовки — это все вышло из одного заветного «кавалерийского» представления о порядке. Лучший порядок, по этому представлению, тот, который приближается к армейскому. В самой плохой казарме, говаривал некий старшина на студенческих военных сборах, порядка больше, чем в самом лучшем университетском общежитии. «Кавалерийский» порядок — это когда все решается в центре и по лестнице спускается вниз: централизация. Граждански настроенный «кавалерист», когда ему разжуют, покажут, ткнут носом, вполне способен понять, что планирование «от достигнутого» и продрозверстка — это застой, а затратное ценообразование и фондируемое снабжение — это бесхозяйственность и прямое расточительство. Но как только ему объяснят, что всему виной централизация, что казарменный порядок и продралог, казарменный порядок и оптовую торговлю, казарменный порядок и планирование на потребителя совместить невозможно, он выберет централизацию, и должно произойти что-то из ряда вон, чтобы его сердце беспринципно дрогнуло и позволило к отступлению.

К 1941 году централизация управления народным хозяйством превзошла самые смелые мечты «кавалеристов». В иконе начинается война. Всякая большая война всегда и везде сразу же многократно усиливает централизацию. Военное положение означает, что все или почти все основные стороны хозяйственной, гражданской и даже частной жизни ставятся под контроль властей; правительство берет в свои руки многое из того, что до сих пор решали местные органы управления или решалось само собой. У нас произошло наоборот. Война потребовала не усиления — дальше усиливать было некуда, а ослабления централизации. С первых дней войны пришлось не сужать, а расширять права предприятий и местностей, доверять им не меньше, чем до войны, а больше.

Упомянувшиеся в письме т. Ярового стихи Р. Рождественского: «И сегодня целятся в Ленина враги. Но помимо импортных — опаснее всего — наши бюрократы и наши дураки» — приводит еще один читатель, М. Д. из Москвы, бухгалтер-снабженец в области культуры. Он пишет: «Стих, по моему мнению, плохой, просто на редкость плохой — шаблонный, поверхностный, ни одного политически и социально

точного слова. Что значит «импортные» враги? Судя по смыслу слова, это поселившиеся у нас иностранцы. Сколько их живет в нашей стране? Так ли им позволено целиться куда не надо, как пугает нас поэт? Но что такое с в о й д у р а к, мне известно по собственному опыту». «Подлее и жесточе этого мерзавца не сыскать, — тоже ссылаясь на свой опыт, писал и т. Яровой. — Объяснить все его штучки наскоком «кавалеристов», как делает т. Стреляный в статье «Приход и расход», — это слишком упрощенный подход к проблеме, как и вера во всемогущество «купца». Что-то тут еще было, что-то тут еще есть, чего автор недоговаривает, осторожничает или сам не знает».

Как видно, из всех «купцовских» мыслей, встречающихся в статье «Приход и расход», хуже всего понятой оказалась самая, как думалось автору, доступная. Это мысль о разлагающей роли утопических целей и планов, о том, что «свинячье рыло» появляется и начинает особенно быстро расти тогда, когда обществу навязываются невыполнимые «шапокакадильские» задачи. Может быть, где-то здесь и есть то «что-то», в замалчивании которого упрекает т. Яровой «товарников»? Утопические задачи. Бюрократические утопии, на выполнение которых приказными методами мобилизуются массы. Интересно, что и т. Яровой, и другие читатели сходного умонастроения, употребляя такие слова, как «бюрократизм», «бюрократия», «бюрократ», оставляют без применения противоположные слова: «демократизм», «демократия», «демократ». Для этих людей почему-то не само собой разумеется, не как дважды два, что бюрократизм может существовать только за счет демократизма, что там, где бюрократия, там нет демократии, и что славить демократию намного важнее, полезнее, чем позорить бюрократию¹. Во многом это, наверное, все оттого же: от «утопической» склонности слишком много значения придавать лицам (был бы человек хороший, не свинья и не чинуша, а «товарник» он или «нетоварник» — не суть важно...), видеть их там, где дело не в лицах, а в началах, порядках, институтах и учреждениях. Если учреждение, допустим, карательное, оно не будет миловать, сколько бы милосердных служащих в нем ни сидело. Если учреждение создано для того, чтобы из Москвы в деревню по цепи больших и малых городов ежегодно спускать тысячу двести показателей, связывающих колхоз-совхоз по рукам и ногам, то, какими бы умными и добросовестными ни были все работники этого учреждения, от министра до вахтера, ничего, кроме вреда, оно сельскому хозяйству не принесет.

¹ Иной раз складывается впечатление, что проклятиями в адрес бюрократии хотят отвлечь нас от мыслей о демократии.

Эта книга была уже готова, когда один из читателей сделал автору неожиданный подарок, прислал последнюю книгу Ю. Семенова. В сопроводительном письме он (Н. Лосев из Луганска) сообщал, что понять современных «купцов» ему помог не кто иной, как Юлиан Семенов, автор многочисленных детективов, написавший повесть о Петре Первом («Версия-П»). Оказывается, в этом произведении повествуется о том, как Петр по совету своих прогрессивных друзей пытался ускорить товарное развитие России, дать больше воли третьему сословию — промышленникам и торговцам, завести такие порядки, чтобы чиновник имел свою долю в казенном доходе от ремесла и торговли, приумноженном его стараниями. «Тогда, — говорит президент берг-коллегии Виллим Брюс, — Россия станет первой державой мира, государь». О том же — и художник Иван Никитин: «Не под силу одному, даже сотне мудрецов страну перевернуть, коли остальные — без интереса, лишь окрика ждут от власти, а своего смысла страшатся». В связи с этим автор письма вспоминает то место в статье «Приход и расход», где приводится ленинский проект директив Политбюро ЦК ВКП(б) по новой экономической политике: «...Политбюро требует безусловно перевода на премию возможно большего числа ответственных лиц за быстроту и увеличение размеров производства и торговли, как внутренней, так и внешней».

Версия Юлиана Семенова состоит в том, что «нэп», задуманный «командой» Петра для превращения России в первую державу мира, напугал проницательных хозяев Запада, «англичанка» быстро стала нас с внутренними врагами Преобразователя, и тот был умерщвлен. К письму прилагалась подборка выписок из повести, представляющей, по мнению Н. Лосева, «в целом правильную, находчивую и своевременную пропаганду «купцовских» методов управления страной». Это были монологи Татищева:

«— Ежели вы, государь, не дадите свободу действий нашим людям в торговле и ремеслах, будут ждать нас превеликие беды... Три препозиции охранят государство от хворобы: ваш наказ коллегиям не мешать людям дела, поелику они по своим законам живут; ремесло про-веряется торжищем, а не указом, пусть даже царским; надобно начать повсюду пути прокладывать, а не между одними лишь столицами, в угоду торговле и ремеслу, сиречь обмену между трудом людей, и, наконец, позволю, государь, наладить на Руси кредит, чтоб каждый смекалистый и умелый человек мог поставить мануфактуру... Сейчас, государь, покудова нет такого закона, вельможы в одном лишь усердые: угадать твою волю, желание, порыв, мечту. Это для них главное: в этом преуспеют, значит, в должности повысятся; от этого им ноне главная прибыль, а не от общего дела... Но ведь нельзя же всем волю одного угадать! Пусть бы они не волю твою угадывали, а давали отчет, сколь денег заработали от честного покровительства делу...»

Брюса: «Только у нас деньги за должность платят, а не за работу. У нас важно день пересидеть, ничего самому не решать, отнести все бумаги на стол начальнику, что рангом поболее, а тот — в свой черед — то же самое проделает. Рабье иго в людях, государь; ждут указа: самости своей бегут; ведь проверка им — не результат дела, а твое слово!»

Был выделен разговор Петра с консерватором Голицыным. Тот пугает царя бунтом приверженцев старины, на что Петр объясняет ему **з а к о н ш л ю з о в**: «Когда к делу зовут, бунтов не бывает, князь. Бунт только супротив застою подымается».

Н. Лосев писал: «Как видите, из разных видов оружия Вы с Юлианом Семеновым бьете в одну точку. Значит, вопрос назрел, задача стала неотложной. Приперло». Затем следовала приписка:

«Все, что Вы сейчас прочитали, было написано мною в июне 1986 года, сразу после выхода журнала с Вашей статьей. Написано, но не отправлено. Прошедшее с той поры время привело к тому, что сейчас я сомневаюсь, действительно ли **п р и п е р л о**. Так что будьте готовы вновь и вновь долбать теорию, психологию и практику подразверстки, только прошу Вас: не впадайте в отчаяние, не опускайте рук — перестройка все равно начнется — ну, может, не при нашей жизни, так что же? Это не повод для того, чтобы уходить в себя, в свою личную жизнь. Вы пишите, Вы пишите — Вам зачтется».

Через месяц с лишним (2 декабря 1986 г.) была сделана еще одна, последняя приписка: «Да если и не зачтется, что за беда? Все равно пишите!»

СОДЕРЖАНИЕ

Приход и расход	3
«Ремесло проверяется торжищем...»	43

Анатолий Иванович СТРЕЛЯНЫЙ

СОЦИАЛИЗМ МЫСЛИ
ПРОТИВ
СОЦИАЛИЗМА ЧУВСТВА

Очерки

Редактор Д. К. Иванов

Технический редактор Т. Е. Авдеева

Сдано в набор 25.12.87. Подписано к печати 16.02.88. А 00302. Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отт. 2,98. Учетно-изд. л. 4,33. Тираж 150000 экз. Зак. № 1812. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.